

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ФРЭНСИС
ДУНКАН

УБИЙСТВО
НА РОЖДЕСТВО

ДЛЯ УБИЙСТВА
ЕСТЬ МОТИВ

Золотой век английского детектива

Фрэнсис Дункан

**Убийство на Рождество. Для
убийства есть мотив (сборник)**

«АСТ»

1947, 1949

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дункан Ф.

Убийство на Рождество. Для убийства есть мотив (сборник) /
Ф. Дункан — «АСТ», 1947, 1949 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-102226-6

Мордекай Тремейн, человек тихий и одинокий, без особой охоты отправился на празднование Рождества в роскошном загородном доме Бенедикта Грейма, ведь он и знать не знал никого из присутствовавших, кроме хозяина и его секретаря. Однако долго скучать ему не пришлось – в рождественскую ночь под елкой обнаружился весьма неожиданный и мрачный подарок – труп в костюме Санта-Клауса. Что еще хуже, все указывало на то, что убийца по-прежнему в доме... Мордекай Тремейн, приехав в тихую деревушку в гости к друзьям, внезапно оказывается втянут в расследование таинственного убийства, жертвой которого стала очаровательная Лидия Дэр. Поначалу полиция подозревает влюбленного в жертву известного археолога, с которым Лидия внезапно порвала незадолго до своей гибели. Но очень скоро за первым убийством следует и второе, причем преступник словно бы черпает вдохновение в мрачной пьесе, которую ставят на любительской сцене местные театралы...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102226-6

© Дункан Ф., 1947, 1949

© АСТ, 1947, 1949

Содержание

Убийство на Рождество	7
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	60
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Фрэнсис Дункан
Убийство на Рождество.
Для убийства есть мотив

Francis Duncan
MURDER FOR CHRISTMAS
MURDER HAS A MOTIVE

© Murder for Christmas. Francis Duncan, 2017
© Murder Has a Motive. Francis Duncan, 2018
© Перевод. Т.А. Осина, 2017
© Перевод. У.В. Сапцина, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Убийство на Рождество

Пролог

Никто не мог предвидеть подобного конца. Даже сам убийца.

Нельзя сказать, что преступление было наспех задумано и неаккуратно исполнено. Большинство злоумышленников стремятся жить дальше, чтобы насладиться плодами собственного коварства. Они сознают, что любой неосторожный шаг способен привести на виселицу, понимают, что ошибка означает провал. В данном случае убийца также в полной мере обладал и желанием получить выгоду, и представлением о зыбкости границы между безопасностью и катастрофой.

Однако ни один созданный человеком план – даже дьявольски изощренный – не в состоянии идеально воплотить в жизнь тщательно продуманную теорию. Где-нибудь по ходу исполнения, в разгар процесса, непременно возникнет непредсказуемая и невероятная, неожиданная и неведомая случайность.

Полная луна светила подобно театральному софиту. Круглый диск двигался по сцене, словно прожектор, переключаясь с крупного плана на общий свет, переходя с резко выхваченного отчетливого образа на глубокую тьму.

Снег стих, однако небо не прояснилось. Тучи по-прежнему угрюмо нависали над белым пространством, не желая расставаться с только что вырвавшейся на свободу пленницей. Время от времени они угрожающе сбивались в кучу и давили на беспомощную, испуганную землю, а потом бессильно раздвигались, пропуская поток ослепительного, безжалостно холодного сияния.

В лунном свете каждая деталь проступала с графической четкостью: черно-белые крыши прилепившейся к склону холма деревни; кривые голые ветви растущих вдоль дороги дубов; поднимающаяся к небу череда гладких белых возвышенностей; массивный дом из серого камня с ажурным узором заснеженного девичьего винограда на стенах.

Из деревни донесся колокольный звон, прозвучавший в темноте траурным отголоском – неуловимым, но угрожающим, – и воображение трусливо предсказало наступление мрачного часа.

Но как только луна осветила пейзаж, таинственный страх мгновенно рассеялся. Колокол больше не предвещал беду. Теперь радостная музыка старинной церкви триумфально летела над белым простором.

Пейзаж предстал ожившей рождественской открыткой: в эту минуту даже оленье упряжка на фоне заснеженных холмов вовсе не показалась бы фальшивой. И уж тем более никого не удивила бы фигура в облачении Санта-Клауса, быстро шагавшая по просторной террасе. Что ни говори, а в сочельник чудесные события – особенно в волшебной обстановке – вполне ожидаемы.

Несмотря на поздний час, еще не все обитатели большого дома спали. В одном из окон верхнего этажа по-прежнему горел свет. Время от времени пространство пересекала темная фигура.

Существовали и другие – не столь очевидные – признаки человеческой деятельности. Когда луна скрывалась за облаками, внимательный наблюдатель мог заметить в окнах первого этажа слабое мерцание. Источник света менял положение, будто кто-то украдкой ходил из комнаты в комнату со свечой или слабым электрическим фонариком в руке.

На улице, скрытые снегом и тьмой, притаились безмолвные неподвижные фигуры. Не заметные ни обитателям дома, ни друг другу, они пристально следили за происходящим, дожидаясь возможности вступить в игру.

Царила напряженная, полная дурных предчувствий атмосфера, обещавшая фантазию и тайну, насилие и смерть. Казалось, время медленно, неохотно, с затаенным – и оттого особенно острым – ужасом двигалось к жестокой развязке.

И вот наконец развязка наступила.

Роковое событие свершилось в тот момент, когда затих колокол, а лунный свет вновь проник сквозь облака и мягко рассеялся по белому покрывалу, обнажив зыбкую линию следов. Холодное сияние равнодушно вырвало из мрака приоткрытое французское окно, влажные отпечатки ног на полированном полу и фигуру Санта-Клауса, лежавшего лицом вниз около обезображенной рождественской елки.

Развязка наступила с женским криком – высоким, отчаянным, полным невыразимого ужаса.

Глава 1

– Уверена, что все обязательно так и будет! – взволнованно воскликнула Дени.

Из недр развернутого к камину глубокого мягкого кресла раздался голос:

– Что именно?

– Старомодное Рождество! – Дени отвела взгляд от свинцового неба и восторженно замерла, заметив первые снежинки, особенно трогательные на фоне темной листвы лавровой аллеи. – Вот он, Роджер! Настоящий, восхитительный, сахарный снег!

В глубоком кресле застонали:

– Кошмар! Мокрая, мерзкая, отвратительная каша. К тому же придется терпеть проказы деревенских мальчишек. Заранее представляю: не успеешь выйти за ворота, как за шиворот полетит холодный комок. Брр!

Дени Арден радостно рассмеялась. Подобный смех разрушал самообладание Роджера Уинтона. Конечно, он ее любил. Любил с тех самых пор, когда однажды ехал на машине по узким извилистым улочкам старинной деревни Шербрум, неосторожно свернул за угол и напугал ее лошадь, немедленно превратившись в объект праведного гнева.

Случилось это в начале прошлого года. В морозный день дороги окаменели, а порывы ледяного ветра нарисовали на щеках Дени Арден розы и причудливо взбудоражили каштановые локоны. Не замечая бури негодования, Роджер любовался стройной фигурой в амазонке с таким искренним и открытым поклонением, что, несмотря на холод, лицо девушки запылало. Чувствуя, что теряет власть над ситуацией, Дени в последний раз сердито тряхнула пышными кудрями и удалилась.

Вернувшись домой, Уинтон немедленно навел справки. Он принадлежал к семейству, чья фамилия, пусть и в различном написании, многократно фигурировала в исторических хрониках Шербрума, однако годы, отданные изучению архитектуры и длительному заграничному турне, ослабили связь с родным краем. Разумеется, нелегко было узнать в волшебном видении одну из нескладных веснушчатых деревенских девчонок.

Загадка разрешилась просто: выяснилось, что Шербрум-Хаус больше не пустует. Масивный серый замок, расположенный поодаль от деревни, однако властно довлеющий над заросшими мхом крышами, в детстве казался волшебным. Запущенный сад и медленно приходявшие в упадок надворные постройки оживали в воображении, наполняясь храбрыми благородными героями.

Мелвины прибыли в Шербрум, когда первый сэр Хьюго, переплывший Ла-Манш в составе войска Вильгельма Завоевателя, отправился на запад. Шербрум-Хаус стал резиденцией местной власти. Сама королева Елизавета почтила замок пятидневным пребыванием в знак благодарности сэру Реджинальду Мелвину. Монарший визит состоялся вскоре после того, как достойный воин на собственном корабле принял участие в разгроме Армады у скалистых берегов владений грозной девственницы. Милость ее величества пробила невосполнимую брешь в казне сэра Реджинальда, однако принесла ему почетный титул барона.

Для Мелвинов, баронов Шербрум, то были великие дни, но за близость к трону пришлось дорого заплатить. Оставаясь роялистами на территории, подконтрольной парламенту, они тяжело пережили гражданскую войну, вернулись к власти вместе с Карлом II, однако впоследствии, во время нашествия Георга Ганноверского, совершили роковую ошибку, примкнув к якобитам. После поражения при Каллодене и бегства Карла Стюарта во Францию шестой лорд Шербрум лишился не только титула барона, но и головы.

Семейству удалось сохранить замок и часть некогда огромного поместья, но война истощала средства и вскоре от былой роскоши не осталось следа. В конце XIX века прежде щедрое фамильное древо до такой степени оскудело плодами, что все оставшееся имущество перешло

в руки дальнего родственника, который по бедности даже не мог позволить себе жить в поместье. Шербрум-Хаус опустел, превратившись в печальную обитель призраков и воспоминаний.

Роджеру Уинтону достались многочисленные слухи и легенды. Жители деревни уважали серый замок, а старики клялись, что настанет время, когда Мелвины вернутся в родовое гнездо и просторная терраса вновь озарится огнями.

Однако годы шли, а обедневшие потомки гордого семейства, некогда принимавшего венценосную особу, все не появлялись. Со временем надежда на их возвращение исчезла, Шербрум-Хаус был продан и перешел в чужие руки.

Роджер Уинтон узнал, что владельцем поместья стал некий Бенедикт Грейм. Покупатель заплатил символическую сумму, поскольку недвижимость находилась в плачевном состоянии, однако вскоре привел замок в порядок. Ремонт потребовал огромных средств и наглядно доказал материальное благополучие нового хозяина.

– Девушка из большого дома, – мягко, но настойчиво уточнил Роджер. – Кто она? Дочь мистера Грейма?

Нет, не дочь Грейма. Во всяком случае, живых родителей у нее не было, а имелся опекун – Джереми Рейнер, один из ближайших друзей Бенедикта Грейма. Рейнер воспитывал и обеспечивал сироту после смерти отца – своего делового партнера.

Проводила ли она в Шербруме много времени? На этот вопрос последовал положительный ответ. Рейнер и Грейм поддерживали тесные отношения, и Грейм души не чаял в Дени. Да, так ее звали: Дени Арден. Она частенько каталась верхом по живописным окрестностям деревни Шербрум.

С четвертой тщательно продуманной попытки Роджер Уинтон случайно встретил Дени Арден и напомнил о знакомстве. Как он и ожидал, ее чувство юмора в полной мере соответствовало ситуации, и с того счастливого дня, как любят говорить французы, дело пошло.

Уинтон стал частым гостем в старинном сером замке, где в детстве провел немало вдохновенных часов. Он снова сидел в комнатах – теперь уже теплых и уютных, – вслушивался в стук шагов на просторной каменной террасе и постоянно думал о Дени. В разгар лета, когда солнце согревало полированные дубовые панели, и сейчас, глубокой зимой, при мягком свете камина, ее присутствие рождало волшебство.

Роджер нарочито медленно, чтобы не выдать чувств, встал с кресла, повернулся и посмотрел на застывшую на фоне окна стройную фигуру с высоко поднятой головой и нежной шеей, освещенной теплым сиянием живого огня.

– Не смотри на меня так, Дени. Не искушай. Сама знаешь, что я от тебя без ума.

Она улыбнулась:

– Как хорошо ты говоришь, Роджер.

Он подошел ближе, взял за руку:

– Дени, дорогая... ты меня любишь?

Она серьезно кивнула:

– Да, Роджер.

– Тогда скажи, что выйдешь за меня замуж. Скоро!

– Нет, – возразила она твердо. – Джереми...

– Джереми! – крикнул Роджер. – Опять Джереми! Почему он все время стоит между нами? Знаю, как много он для тебя сделал, и все же существуют границы!

В карих глазах Дени отразилось смутение, однако решимость не исчезла.

– Мы уже обсуждали это, Роджер, так что незачем начинать разговор заново. Я должна убедить его.

– Было бы проще, если бы мы больше знали о его мотивах. Почему он так упорно возражает? Я не настолько гадок, чтобы получать отказ за отказом!

– Ты очаровательный гадкий утенок, – промолвила Дени и, нежно взлохматив его густые волосы, провела пальцами по щеке.

Резкие черты мужественного лица напомнили о спокойной надежности Роджера Уинтона.

– Пусть я не сказочно богат, – продолжил он, – заботиться о деньгах тебе не придется. Джереми прекрасно это знает. Как знает и то, что я люблю тебя. Все должно быть просто!

– Все просто, – подтвердила Дени с искрой лукавства, которую не смогла спрятать, и Роджер криво усмехнулся.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Я уже испробовала все доступные средства. К чему скрывать? Ты ему просто не нравишься.

– Но почему? В чем дело? Если бы Джереми объяснил причину, мы хотя бы поняли его позицию, а так... Слепое предубеждение, не более. Правда заключается в том, что он боится потерять тебя. Дело вовсе не во мне. Точно так же ему не понравится любой другой мужчина, который захочет на тебе жениться.

Роджер положил ладони ей на плечи, и Дени ощутила теплую нервную силу его пальцев.

– А мистер Грейм? Что, если попробовать заручиться его поддержкой? Он тебя любит и в то же время может повлиять на опекуна.

Дени покачала головой:

– Я же сказала, что перепробовала все и сразу обратилась к дяде Бенедикту. Бесполезно. Он сообщил, что, когда заговорил с Джереми о свадьбе, тот взбесился, как бык при виде красной тряпки. Оказалось, что влияние дяди Бенедикта так далеко не распространяется.

Уинтон немного помолчал, а потом мрачно произнес:

– Вот что я скажу, Дени. В мистере Рейнере есть нечто странное. Да-да, – поспешно подтвердил он, заметив инстинктивное движение протеста. – И весь этот дом странный. Чем скорее я отсюда тебя увезу, тем лучше.

Уинтон говорил так убежденно, что вспыхнувшее в душе Дени возмущение мгновенно угасло.

– Ради бога, Роджер! О чем ты?

– О том, что мне не нравится твоя жизнь здесь, с этими непредсказуемыми родственниками, которые на самом деле вовсе не родственники. Может, поэтому я говорю о них так откровенно. Они ненормальные: невозможно предугадать, когда вдруг перестанут вести себя как обычные люди и выкинут нечто невообразимое.

– Ты о прошлогодней выходке дяди Джеральда, когда он явился на выставку цветов в школьных шортах и смутил милых пожилых леди из кружка рукоделия?

– А еще прокатился по улице в детской коляске, с соской во рту и в сопровождении оркестра!

– Но ведь в этих проделках нет ничего плохого, Роджер! Ты и сам знаешь, что дядя Джеральд обожает розыгрыши. Он просто большой ребенок.

– Поверь, я умею ценить хорошие розыгрыши, однако он совсем не годится для роли Питера Пэна.

– Ну вот, теперь ты пускаешь в ход рассуждения о пропорциях!

– Возможно, я драматизирую, – согласился Уинтон. – И все же компания сомнительная. Джеральд со своими вспышками школьного юмора, запоями и клятвами исправиться. Шарлотта, которая часами не выходит из своей комнаты и вообще ведет себя как озлобленная старая дева с мрачной тайной в рукаве. Удивительно, что мистер Грейм их терпит. Я бы через месяц сошел с ума, а он умудряется смотреть на мир весело.

– Когда ты так говоришь, действительно складывается мрачная картина, но они добры ко мне, и я не могу пойти против их воли.

– Я вовсе не хочу сказать, что эти люди обращаются с тобой плохо, – произнес Уинтон. – И все же в доме сложилась нездоровая атмосфера. Не понимаю, как Рейнер позволяет тебе проводить здесь столько времени.

– Не только позволяет, но и поощряет, – возразила Дени и с лукавой улыбкой добавила: – Вот уж не думала, что у тебя появятся возражения на сей счет!

– Я не возражаю, просто удивляюсь. Почему он решил провести Рождество в Шербрум-Хаусе?

– Мы всегда проводим Рождество с дядей Бенедиктом. Это традиция.

– Да, мистер Грейм любит семейные торжества, и без вас они не обходятся, но ведь в этом году Рейнер собирался в Америку и должен был уехать еще на прошлой неделе. Что же заставило его изменить планы?

Дени нахмурилась. Стало ясно, что она безуспешно пытается найти ответ.

– Не знаю, Роджер, – наконец призналась девушка. – Действительно очень странно. Джереми отменил поездку внезапно, хотя с нетерпением ждал ее. Совсем на него не похоже.

– Он не объяснил причину?

– Нет.

– И это тоже совсем на него не похоже, правда?

– Обычно Джереми обсуждает со мной все дела и планы. А сейчас не произнес ни слова. Я подумала...

Послышался звук открываемой двери. Влюбленные быстро отпрянули друг от друга и обернулись. На пороге появилась высокая фигура и застыла в угрюмой неподвижности.

Дени услышала ироничный внутренний голос. «Громовые раскаты, – произнес он с издевкой. – Входит Заговорщик». Она с трудом сдержала нервный смех.

Николас Блейз увидел молодых людей возле окна, за которым мягко кружился снег. Он вошел в комнату и промолвил:

– Приветствую. – Потом, подойдя ближе, добавил: – Любуется видом из окна? Кажется, Рождество будем праздновать в традиционных декорациях.

Говорил он легко, однако внимательные темные глаза смотрели требовательно. Роджер и Дени не знали, успел ли Николас что-нибудь услышать, а тот не подавал виду. Редко удавалось понять, о чем думает мистер Блейз. Трудно было сказать наверняка, как много он знает. Однако, давно работая секретарем Бенедикта Грейма и в течение долгих лет оставаясь его близким другом, Николас, несомненно, обладал информацией о каждом из приехавших в Шербрум-Хаус гостей.

Возраст Блейза не поддавался определению. На первый взгляд он казался молодым человеком, однако при ближайшем рассмотрении во внешности читались признаки зрелости: слегка отступившие со лба волосы, тень опыта в глубоко посаженных пристальных глазах, серьезное выражение умного лица. Выразительные, с длинными пальцами руки удивляли тонкостью и артистизмом: такими могли быть руки скрипача. Несмотря на скромное положение, секретарь все видел, все запоминал и все знал.

Сейчас в его поведении ощущалось легкое самодовольство: подобная манера свойственна человеку, сознающему, что от него попытались скрыть нечто важное, и с затаенной гордостью принимающему иронию собственной осведомленности.

Ситуация раздражала. Дени Арден напряженно ждала, когда же мистер Блейз заговорит. Абсурд, разумеется. Ник был вполне нормальным человеком и держался естественно. Только не в меру разыгравшееся воображение могло навести на мысль о некой тайне. Во всем виноват Роджер: нелепые фантазии о доме и его обитателях заставили подозревать то, чего на самом деле не существовало.

– Надеюсь, снег не растает, – заметил Блейз, глядя в окно. – Бенедикт будет рад зимней погоде.

Фраза прозвучала настолько привычно и обыденно, что Дени перестала беспокоиться и вновь почувствовала себя в безопасности.

– Дядя Бенедикт любит, чтобы в Рождество все соответствовало правилам, – с облегчением подхватила она. – Полагаю, он выступит в своей обычной роли?

Блейз с улыбкой отвернулся от окна:

– По-моему, он весь год только и делает, что ждет сочельника. Сегодня утром достал из сундука костюм, а уже несколько дней подряд прячет какие-то загадочные пакеты!

В доме Бенедикта Грейма празднование Рождества неизменно и строго следовало давней традиции. Множество гостей, огромная елка и сам мистер Грейм, поздним вечером с детским восторгом, якобы незаметно, являвшийся во всем великолепии длинной красной шубы и белой бороды, чтобы повесить на елку подарки для гостей.

Жил он холостяком. Судя по всему, отсутствие детей, на которых можно было бы выплеснуть родительский энтузиазм, подтолкнуло к столь причудливому способу достижения счастья. Сама природа безобидной странности гарантировала сочувственное отношение окружающих, а поскольку Грейм обладал значительным состоянием и славился щедростью, ничто не мешало ему разыгрывать любимый спектакль из года в год, не вызывая насмешек. Как правило, гости узнавали об обычае еще до приезда в Шербрум-Хаус, а если кто-нибудь не успевал подготовиться заранее, то быстро находил верный тон по примеру более опытных участников действия.

Случалось, что циники, лишённые сентиментальности в результате столкновения с грубым миром, считали причуду хозяина экстравагантной, однако даже они благоразумно держали скепсис при себе. Разумеется, на подобное поведение влияла атмосфера всеобщей любезности и светлого праздника Рождества, однако справедливости ради следует признать один немаловажный факт: Бенедикт Грейм не принадлежал к числу людей, склонных терпеть возражения.

Голубые глаза под густыми седыми бровями обычно смотрели на мир с философским спокойствием, но порой метали гневные искры. В таких случаях и без того высокая худая фигура разрасталась до подавляющих размеров. Сразу становилось ясно, что отстраненно взиравший на жизнь неторопливый человек, с наслаждением выступавший в роли Деда Мороза, таит в душе опасный огонь.

Дени Арден сделала это открытие еще в детстве: однажды тот, кого она считала добрейшим на земле человеком и неизменно называла дядей, застал ее самозабвенно исследовавшей запретную территорию кабинета и сделал внушение, впечатление от которого сохранилось по сей день.

По какой-то необъяснимой причине давний инцидент промелькнул в сознании сейчас, когда Дени стояла, глядя на Николаса Блейза. Секретарь спросил себя, о чем она думает, однако Дени не объяснила причину мимолетной улыбки, а просто осведомилась:

– Кто приедет, Ник?

– Соберется обычная компания. Розалинда Марш, Остин Деламер. Разумеется, все мы. Напьеры привезут с собой миссис Тристам.

– Неужели? – удивленно воскликнула Дени.

– Да, – кивнул Николас Блейз.

В последнее время Люси Тристам зачастила в гости. Точно установить возраст этой дамы не удавалось: за тридцать... а дальше неизвестно, – зато в ее привлекательности сомневаться не приходилось. Когда она с заученной небрежностью поправляла прическу возле лампы, пышные темно-рыжие волосы вспыхивали подобно пламени, обеспечивая внимание любого общества. Первое впечатление поддерживали и закрепляли прочие неоспоримые достоинства: яркая индивидуальность, золотистый цвет нежной кожи и грациозная фигура. Подобная внешность заведомо исключала недостаток восхищения.

– Миссис Тристам – вдова? – уточнил Роджер Уинтон.

– Только по ее собственным словам, – ответила Дени. – Истинное положение этой особы неизвестно, как и то, действительно ли ее зовут Люси.

– Хочешь сказать, что легенда возникла ради эффекта? Кажется, глубокой симпатии к леди ты не испытываешь.

– Нет, – призналась Дени.

– Конечно, вы еще не знакомы с миссис Тристам, – вмешался Блейз, чувствуя надвигающуюся опасность и обращаясь к Уинтону, чтобы помешать Дени высказаться откровеннее. – Вы не очень часто нас посещаете, а потому ваши визиты не совпали с ее пребыванием. В сентябре Люси приезжала вместе с Напьерами.

– И прожила целый месяц, – не без ехидства добавила Дени.

– Вряд ли временные границы визита были заранее определены, – тактично возразил Блейз, – хотя миссис Тристам, несомненно, не спешила покинуть гостеприимный дом.

Разговор требовал продолжения.

– Наверное, воздух в этих краях действует на леди благотворно, – осторожно заметил Роджер Уинтон.

В карих глазах Блейза вспыхнули лукавые искры.

– Не думаю, что дело в воздухе.

– Я тебе все объясню, – вмешалась Дени. – Ник слишком вежлив, чтобы говорить прямо. Миссис Тристам охотится на мужчин. Судя по всему, пока хищница точно не решила, на ком остановить выбор. Маятник качается между Джереми и дядей Бенедиктом.

Роджер Уинтон вскинул брови:

– Неужели?

– Да.

– А что думают на этот счет жертвы?

– Она умна, красива. – Дени пожала плечами. – И у нее хорошая фигура. Ты же знаешь мужчин.

Николас Блейз стоял с настороженным видом человека, явственно ощущающего границы дозволенной свободы мнений.

– Пожалуй, продолжу свой путь, – дипломатично завершил он скользкий разговор. – Заглянул сюда в поисках Бенедикта. Не знаете, где он может находиться?

– Простите, – покачал головой Роджер. – После ленча я еще не видел мистера Грейма.

Секретарь уже повернулся к двери, однако Дени остановила его:

– Подожди минутку, Ник. Хочу спросить, прежде чем ты уйдешь. Ты закончил перечислять гостей? Может, придет кто-нибудь новый?

– Ждем профессора Лорринга. Полагаю, вы о нем слышали. Известный ученый. Ах да, а еще приглашен Мордекай Тремейн.

– Тремейн? – переспросил Уинтон, и Блейз кивнул.

– Да. Это первый визит джентльмена в Шербрум.

– Какой он, этот... Мордекай – старый или молодой? – поинтересовалась Дени.

– Пожилой, лет шестидесяти. Чрезвычайно любопытный человек. Сентиментальный, настроен романтически. Надеюсь, вам понравится.

Говоря это, Блейз переводил взгляд с одного собеседника на другого. Молодые люди не смогли понять, подразумевало ли описание некий особый смысл, а он воспользовался растерянным молчанием и удалился.

– Похоже, нас ожидает обычная легкомысленная компания, – заключил Уинтон, когда за темной фигурой секретаря закрылась дверь. – Если не считать Лорринга и Тремейна. Впрочем, их присутствие вряд ли существенно изменит обстановку.

– И все же ты должен согласиться, Роджер, что рождественские праздники дяди Бенедикта всегда проходят очень весело. Он старается, чтобы никто не скучал.

– Да, – кивнул Роджер. – Старается.

Он думал о чем-то своем и ответил машинально. Однако прежде чем Дени собралась что-то сказать, дверь снова распахнулась.

Джереми Рейнер еще не успел подойти, а Уинтон уже прочитал в серых глазах антипатию и недовольно поморщился. Инстинктивная реакция породила ответную вспышку враждебности.

– Не знал, что вы здесь, Уинтон.

Слова прозвучали спокойно, однако презрительная интонация обдала ледяным холодом. Дени поспешила вмешаться:

– Роджер зашел за мной, чтобы пригласить на прогулку, однако погода испортилась и мы решили не рисковать.

– Мудрое решение, дорогая. Судя по всему, нас ждет обильный снегопад.

– Мы только что сказали Нику, что дядя Бенедикт обрадуется. Снег необходим ему для создания рождественской сказки.

Дени пыталась отвлечь мужчин светской беседой, чтобы те не вцепились друг другу в горло. Рейнер быстро взглянул на нее, словно она задела какую-то его нежную струну и причинила боль:

– Да, так и есть.

Он шагнул к окну и остановился. Роджер Уинтон посмотрел на профиль, четко выделявшийся даже на фоне тусклого зимнего света. Подобное гармонично сочетается с подобным, подумал он с неприязнью. Лед естественно смотрится рядом со снегом.

Джереми Рейнер оставил большинство своих многочисленных руководящих постов. Считалось, что необходимые для жизни средства он черпает из заработанного состояния. Вместе с финансовым благополучием джентльмен приобрел славу жесткого, безжалостного бизнесмена, и одна из причин его репутации в эту минуту явственно проступила в орлином абрисе носа и тонкой линии губ, плотно сжатых над тяжелой челюстью.

«Холодный, не подвластный чувствам человек» – так говорили о Джереми Рейнере. И он действительно не поддавался чувствам, но лишь до тех пор, пока дело не касалось Дени. В нежной преданности подопечной ему не мог отказать даже глубоко обиженный Роджер Уинтон. Вся отпущенная этому человеку сердечность сконцентрировалась на мисс Арден. Любовь к ней не вызывала сомнений. Более того, грубо сколоченный мир одинокого мужчины вращался вокруг воспитанницы.

Вот в чем крылась причина вражды, подумал Уинтон. Джереми Рейнер просто не мог смириться с мыслью о расставании со своей дорогой девочкой. Мечтал навсегда запереть сокровище в собственном сердце и отказывался думать о возможной потере.

Серый человек. Таким был Джереми Рейнер. Серые волосы. Серые брови, тяжело нависавшие над серыми глазами. Серые, жесткие, коротко подстриженные усы и серая неприступная душа.

Черт возьми! Кто дал ему право распоряжаться жизнью другого человека? Почему он считает возможным что-то приказывать Дени?

Внезапно Уинтон ощутил острую, удивившую его самую вспышку гнева. Захотелось вцепиться в широкие плечи, круто развернуть серую статую и бросить вызов в ледяное лицо. Крикнуть, что Дени принадлежит ему, что он все равно женится на ней, а Рейнер может катиться ко всем чертям!

Джереми отошел от окна. Иллюзия серости пропала, а вместе с ней исчезла и ярость.

– Мне показалось, что недавно подъехала машина, – небрежно произнес мистер Рейнер. – Никто не появился, Дени?

– По-моему, нет, – ответила она. – Наверное, это была машина Роджера. Разве сегодня кого-нибудь ждешь? Ник сказал, что сбор назначен на завтра.

– Слышал, что профессор Лорринг может приехать сегодня, – уточнил Джереми, – хотя остальные действительно явятся только завтра. А Деламер, разумеется, на день опоздает. Обычно он оттягивает приезд до самого сочельника. Наверное, хочет доказать, что политики работают до последней минуты.

– А второй новый гость? – произнесла Дени. – Помимо профессора Лорринга? Как Ник его назвал, Роджер?

– Тремейн, – подсказал Уинтон. – Мордекай Тремейн.

– Кто такой этот Мордекай Тремейн? – удивился Рейнер.

– Я разочарована, – призналась Дени. – Надеялась, что ты его знаешь и расскажешь нам, кто он такой.

– Понятия не имею, – пожал плечами Рейнер. – Видимо, Бенедикт пригласил его для ровного счета.

Роджер Уинтон стоял нахмурившись и о чем-то напряженно размышляя.

– А знаешь, Дени, – наконец медленно проговорил он, – я слышал об этом человеке. Пытаюсь вспомнить с той самой минуты, как Блейз назвал имя. – Он нахмурился и вдруг воскликнул: – Знаю, где встречал это имя! В газетах! Мордекай Тремейн – детектив-любитель!

Раздался громкий, резкий щелчок. Джереми Рейнер только что взял сигарету из стоявшей на столе серебряной шкатулки и неосторожно захлопнул крышку.

– Seriously? – уточнил он.

– Прошлым летом этот джентльмен работал вместе с полицией в Сассексе, – пояснил Уинтон. – Газеты надрывались от восторга.

– Звучит интригующе, – отозвалась Дени. – И что же он расследовал?

– Убийство, – ответил Уинтон.

Говоря это, он обратил внимание на одно странное обстоятельство. Джереми Рейнер пытался закурить и делал это очень долго, потому что руки его дрожали.

Глава 2

Все решило любопытство. Мордекай Тремейн чувствовал, что если откажется от приглашения, то Рождество пойдет насмарку, поскольку каждую минуту будет возникать один и тот же вопрос: что бы произошло, если бы он поехал в Шербрум, и с какой стати Бенедикт Грейм пригласил его?

Нет, Мордекай Тремейн мало знал мистера Грейма. Напротив, знакомство оставалось до такой степени призрачным, что короткая любезная записка с вопросом, не согласится ли уважаемый мистер Тремейн провести несколько рождественских дней в Шербрум-Хаусе, удивила его. Пока Мордекай Тремейн снова и снова читал за завтраком несколько рукописных строчек, тосты остыли.

Приглашение составил и прислал Николас Блейз – доверенный секретарь и компаньон мистера Грейма. Он же написал постскрипtum. Аккуратным изящным почерком Блейз добавил от себя:

«Пожалуйста, если сочтете возможным, нанесите нам визит. Бенедикт будет исключительно благодарен. Должен признаться, что предчувствую нечто достойное вашего интереса. Бенедикт не вдается в подробности. Более того, о моем комментарии он не знает, так что буду рад, если сохраните конфиденциальность. Остро ощущаю опасность и, честно говоря, начинаю бояться».

К этому времени Мордекай Тремейн уже успел получить несколько приглашений от родственников и друзей и склонялся к поездке в Дорсет, где несколько племянников и племянниц растили детей. Целая толпа мальчиков и девочек разных возрастов с нетерпением ждала доброго дядюшку Морди, зная, что тот готов выполнить любую их прихоть. Однако оставить без внимания глубоко личный постскрипtum было нельзя. Каллиграфические строчки скрывали тайну, а противостоять ее притяжению Мордекай Тремейн не мог.

В конце концов в Дорсет отправилось письмо с извинениями и вынужденным отказом, а в Шербрум полетело благодарное согласие. Мордекай Тремейн пообещал приехать, как было предложено, за день до сочельника. Приняв решение и написав оба ответа, он откинулся на спинку кресла и начал вспоминать все, что знал о Бенедикте Грейме.

Впервые джентльмены встретились в сентябре в Кенсингтоне, в квартире Аниты Лейн, на пестрой многолюдной вечеринке. Анита успешно публиковала в газетах и журналах критические статьи о кино и театре, хотя внешне даже отдаленно не напоминала деловую женщину. Мордекай Тремейн познакомился с ней несколько лет назад и успел искренне полюбить ее. Чисто платонически, как мысленно он заверил себя. Хотя Анита Лейн уже перешагнула сорокалетний рубеж, а ему самому перевалило за шестьдесят, – что ни говори, пропасть слишком глубокая, чтобы без долгих размышлений строить капитальный мост.

Общество состояло преимущественно из художников, писателей и людей театра. Весьма странное окружение для Бенедикта Грейма, который, несмотря на приверженность католицизму, воспринимал подобную компанию с тем самым благоговейным изумлением, с которым непосвященные часто смотрят на чудаков, зарабатывающих на жизнь сценическими эскападами или печатными высказываниями.

Возможно, именно потому, что все трое не входили в магический круг издательских контрактов и театральных гримерок, мистер Грейм и его спутник Николас Блейз быстро прониклись симпатией к Мордекаю Тремейну. К концу затянувшегося вечера – а трое джентльменов уехали в одном такси в четыре часа утра – удалось много узнать друг о друге. Грейм отошел от активного бизнеса и теперь наслаждался ролью сельского жителя, не обремененного финан-

совыми проблемами. Блейз официально занимал пост секретаря, однако на деле представлял собой не просто высокооплачиваемого слугу, а близкого человека, облеченного полным доверием хозяина.

Мордекай Тремейн с трудом восстановил подробности той беседы. Постепенно размягчаясь, он все глубже погружался в приятный туман – вечеринку трудно было назвать сухой, – так что сейчас, по прошествии трех месяцев, из памяти стерлись значительные по протяженности эпизоды.

Смутно вспомнилось, как он рассказал новым знакомым, что прежде владел успешным бизнесом по продаже табачных изделий, а сейчас пожинает сладкие плоды долголетнего напряженного труда; упомянул об интересе к криминологии и о дружбе с несколькими офицерами полиции.

Впрочем, подробности увлечения скорее всего остались за рамками беседы. Мордекай Тремейн отчетливо сознавал собственное положение детектива-любителя и не желал смущать друзей, в частности инспектора Скотленд-Ярда Джонатана Бойса, хвастливыми заявлениями об участии в делах, которым надлежало соответствовать строгим правилам уголовной полиции.

Пристальное внимание со стороны прессы в период расследования громкого убийства в Далмеринге до сих пор рождало болезненные воспоминания. Мордекай Тремейн вовсе не искал известности, однако наводнившие деревушку репортеры обнаружили его участие в деле и бесцеремонно выставили на всеобщее обозрение. Развязные заголовки и по сей день вызывали у него нервную дрожь.

Он надеялся, что во время излишне откровенной беседы с едва знакомыми людьми не успел признаться в пристрастии к сентиментальной литературе. Дело в том, что Мордекай Тремейн регулярно и самозабвенно читал журнал «Романтические истории». Из номера в номер жадно следил за развитием отношений, страдал и радовался вместе с добродетельными героями. Однако, несмотря на верность любимому жанру, застигнутый на месте преступления, неизменно смущался и спешил спрятать улику. Бенедикт Грейм вряд ли отнесся бы к безвредной слабости с сочувствием, тем более что при свете дня ночные признания теряют убедительность.

Проблема «Романтических историй» все еще тревожила его несколько недель спустя, когда ясным, но неумеренно морозным утром почтенный джентльмен погрузился в скромный автомобиль массового производства, воплотивший одну из его немногих экстравагантных прихотей, и осторожно покатыл по перегруженным улицам Лондона. Важно отметить, что в это самое время очередной номер журнала покоился в чемодане на заднем сиденье. Мордекай Тремейн мог испытывать мучительные сомнения, однако никогда не изменял себе, не отступал и не сдавался.

Он радовался жизни. Напевал веселый мотив, услышанный по радио во время бритья, и не замолкал даже тогда, когда внезапно приходилось проявлять чудеса водительского искусства, чтобы не оказаться расплюснутым между неподвижным грузовиком и настырно напиравшим автобусом. Прекрасное настроение не полностью объяснялось ярким солнцем, сквозь стекло дарившим почти весеннее тепло. Не исчерпывалось оно и Рождеством, щедро украшенным свежим снегом и волшебными огнями в витринах магазинов.

Тремейн ехал к приключению. Где-то впереди возникла тайна, и оттого душа потеряла покой. После бесконечно долгих летних дней, когда прелестная деревня Далмеринг погрузилась в ужас, Мордекай Тремейн еще ни разу не ощутил трепета и азарта настоящего криминального расследования. Неумная страсть к поиску нашла пищу в литературе, а мрачная реальность ненависти, страха и ревности растворилась в пространстве. Он успел забыть о том, что успешно проведенное следствие неизбежно приводит к горькому разочарованию и крушению веры в идеал. Сейчас вспоминались иные стороны процесса: возбуждение погони и напряженный поединок изощренного ума детектива со звериной хитростью убийцы.

Внезапно Мордекай Тремейн неприятно удивился. Кто вообще упоминал об убийстве? В какое фантастическое пространство устремилось его воображение? Он едет, чтобы провести рождественские дни в компании новых друзей. Праздник несет всеобщее счастье и веселье. Так почему же сознание выбрало столь зловещий путь?

Мордекай Тремейн сумел сбросить наваждение, и вместе с ним исчезла утренняя бодрость. С этой минуты глаза за стеклами постоянно сползавшего, но никогда не падавшего пенсне смотрели задумчиво и даже растерянно.

К полудню небо скрылось за свинцовыми доспехами облаков. Пустая земля мерзла под ледяным ветром, а деревья беспомощно протягивали друг другу голые черные ветки. Дорога тянулась в мир холодного серого сумрака и сонного оцепенения, где могли происходить ужасные события.

Конечно, Тремейн знал правду: в западных графствах выпал снег, и дорога ведет прямо в зиму. Тусклый свет и безрадостные вздохи ветра предупреждали о приближении нового снегопада. Раздраженное одиночеством декабрьских полей воображение окрашивало зимний пейзаж в печальные тона страха и тоски.

К счастью, даже под снегом дорога оставалась ровной и твердой, позволяя держать хорошую скорость. Когда Мордекай Тремейн въехал в город Калнфорд, впереди оставался еще целый час дневного света и не более четырех миль до Шербрума.

Уверенность в собственных силах подсказала, что к месту назначения удастся попасть до наступления полной темноты, а также продиктовала решение остановиться и выпить чашку чая. Правый указатель поворота приобрел вредную привычку заедать, поэтому пришлось открыть пассажирское окно и продемонстрировать намерения рукой. В результате холод пробрал Тремейна до костей.

Рядом с главной улицей располагалась тихая площадь, превращенная местными жителями в автостоянку. Мордекай Тремейн заглушил мотор и, радуясь возможности размяться, быстро зашагал к переполненному посетителями торговому центру.

Калнфорд оказался приятным местом. Поросшие лесом высокие крутые холмы не позволили городку расползтись по окрестностям паутиной вилл, и он по сей день сохранил прелесть модного курорта XVIII века, когда галантные джентльмены танцевали менуэт с изящными дамами, чьи образы запечатлел непревзойденный Гейнсборо. Высокие надменные дома сохранили дух эпохи Регентства. Однако помимо невозмутимого достоинства жилых кварталов и спокойствия садов, растянувшихся вдоль накрепко опоясанной каменными мостами реки, Калнфорд обладал полным энергии сердцем, бодро направлявшим поток процветания вдоль торговой артерии, без ложной скромности примыкавшей к стенам древнего аббатства. Мордекай Тремейн шел по тротуару и любовался блестящими машинами, с рождественским восторгом ожидавшими возвращения пассажиров из празднично украшенных магазинов. Сентиментальная душа его радовалась свету и близости людей.

Даже грязное месиво, в которое превратили снег бесчисленные колеса, казалось жизне-радостным. Уныние бесследно исчезло. Внезапно нахлынувшая неуместная депрессия с позором отступила.

Тремейн снова превратился в ребенка, верящего в существование добрых фей и Санта-Клауса с длинной белой бородой. Волшебной рождественской ночью он надевает свою шубу, спускается в дома по дымоходам и наполняет подарками миллионы носков. Пенсне угрожающе сползло на кончик носа, однако Мордекай Тремейн не заметил этого. Сейчас главенствовали чувства, и он понимал, что светлое мгновение поможет пережить тяжкое время, когда вновь придется столкнуться с реальностью печали, горечи, страха и отчаяния.

Чтобы добраться до Шербрума при тусклом свете дня, следовало как можно скорее продолжить путь. Большие рестораны на главной улице были переполнены. Бросив мимолетный взгляд на занятые столы, Мордекай Тремейн свернул на боковую улицу, нырнул в старинную

арку возле монастыря и попал в тихую заводь, свободную от мучимого голодом и жаждой людского потока.

Между книжным магазином и мастерской корзинщика приютилась крохотная чайная. По привычке склонив голову, чтобы не стукнуться о массивную дубовую балку, Мордекай Трмейн вошел в узкую дверь. Поначалу комната показалась пустой, но вскоре он заметил двух посетителей. Они сидели возле стены в дальнем, самом темном углу, наполовину скрытом вешалкой. Оба подняли головы и не то удивленно, не то испуганно посмотрели на вошедшего посетителя, однако встретили любопытный взгляд и торопливо отвернулись, словно не желая привлекать внимания.

Мордекай Трмейн выбрал столик и сел спиной к паре, но лицом к висевшему над прилавком зеркалу, где отражались две низко склоненных головы. С видом заговорщиков собеседники горячо обсуждали что-то.

Острый интерес к людям и отточенное мастерство опытного наблюдателя, позволявшее видеть все вокруг и при этом не вызывать подозрений, обеспечили прекрасную возможность изучения любопытного объекта. А поскольку иных дел, кроме неторопливого чаепития, не нашлось, взгляд почти не отрывался от зеркала. Процесс протекал механически и подразумевал естественное, без учета значимости момента, упражнение приобретенной ранее способности запоминать мельчайшие подробности.

За дальним столом сидели мужчина и женщина. Бесцветная, незаметная незнакомка была в добротном, но безликом пальто и вышедшей из моды шляпке. Волосы показались Трмейну растрепанными, хотя поднятый воротник пальто мешал рассмотреть прическу. Круглое лицо с мелкими чертами было бледным и истощенным, как у человека, редко выходящего из дома.

Официантка включила одну из ламп, и картина сразу прояснилась. Стало заметно, что женщина не совсем молода, но и не настолько стара, как показалось сначала. Одежда создала ложное впечатление, прибавив годы.

Свет незнакомке не понравился. Она повернулась так, что плечо заняло почти все зеркало, чем лишила возможности Трмейна продолжить наблюдение. Недвусмысленное движение многое объяснило.

Спутник оказался менее чувствительным. Он сидел лицом к зеркалу и не попытался сменить позу, хотя прищурился от света и посмотрел так, будто заподозрил официантку в намеренном вредительстве. Трмейн вспомнил фразу из «Юлия Цезаря»: «Тот Кассий голоден и худ». В зеркале туманно отражался сухопарый человек в изрядно поношенном плаще. Такому ничего не стоило затеряться в уличной толпе. Однако эффект зеркального удвоения электрического света подчеркнул верхнюю часть лица, и Мордекай Трмейн ясно увидел глаза: темные, широко расставленные под высоким открытым лбом, наделенные тлеющей в глубине мрачной силой, – вызывающие тревогу глаза, готовые в любую минуту вспыхнуть опасным огнем.

Делая вид, будто не подозревает о существовании зеркала, Мордекай Трмейн медленно пил чай. Вряд ли пара обратила на него внимание и заподозрила особый к себе интерес. После первого мимолетного взгляда мужчина и женщина снова сосредоточились друг на друге.

Разговор по-прежнему продолжался, когда Мордекай Трмейн заплатил по счету и вышел из чайной. Возвращаясь к машине, он все еще размышлял о случайно встреченных людях. Трмейн всегда размышлял о людях. Любил придумывать, кто они, откуда и куда направляются, как живут. Обычно не составляло труда определить их место в обществе, род занятий и характеры. Однако только что встреченная пара не соответствовала привычным типажам, и воображение отказывалось сотрудничать.

Вспомнилось лицо женщины с круглым ртом и бледными губами. Губы слегка дрожали и выдавали неуверенность. Жизнь не баловала хрупкое создание, похожее на готовую сломаться

под ударами судьбы фарфоровую куклу. Что связывало незнакомку с ее собеседником? Узы брака? Руки остались вне поля зрения Тремейна, и кольца он не видел.

И все же, дав пищу для ума, случайная встреча вскоре стерлась из памяти Мордека Тремейна. Он так и не узнал, соответствовал ли вымышленный образ правде или совершенно обычные люди неведомо для себя приобрели таинственные черты, о каких в реальной жизни даже не помышляли. Обычные? Нет, определение не годилось. Пара держалась настороженно, слишком настойчиво старалась спрятаться в полутьме и остаться незамеченной.

Через несколько минут усердные попытки выбраться с перегруженных автомобилями и людьми улиц Калнфорда пресекли праздные размышления. Когда город остался позади, а впереди тонкой извилистой линией обозначилась дорога в Шербрум, вести машину стало труднее. Снег усилился, а постоянный транспортный поток, способный утрамбовать плотную массу, здесь отсутствовал, и потому пришлось, унижительно сбавив скорость, двигаться почти ползком.

В Шербруме уже стемнело. Во многих домах зажглись масляные лампы. Светящиеся окна на фоне старинных темных строений с покрытыми снегом крышами создавали сказочный пейзаж, напоминавший сцену из пантомимы или детской фантазии. Деревня эльфов в снегу. Мордекай Тремейн представил, как добрый великан осторожно поднимает декорацию и ставит на сцену, в свет рампы.

Деревня Шербрум пользовалась заслуженной славой одного из самых привлекательных уголков Королевства. Из года в год фотографии старинной гостиницы и древней норманнской церкви украшали путеводители и другие популярные издания, посвященные красоте старой доброй Англии.

Оставаясь в стороне от главного шоссе и довольствуясь скромным автобусным маршрутом, Шербрум прекрасно существовал без железной дороги: ближайшая станция находилась в Калнфорде. Удаленность от мира праздных гостей, сувениров и чайных павильонов позволила деревне сохранить первозданный облик – тот самый, в каком ее застал Генрих VIII, явившись, чтобы разграбить соседнее аббатство. Местных жителей, вынужденных терпеть санитарные неудобства и долгими зимними вечерами довольствоваться масляными лампами, это обстоятельство не радовало. Утешались они лишь тем, что не пали жертвой преобразований во имя сомнительных идеалов технического прогресса.

Мордекай Тремейн не знал, где расположен Шербрум-Хаус, однако впереди тянулась одна-единственная дорога, по которой он и направился. Возникла смутная тревога: тьма сгустилась, так что пропустить пункт назначения ничего не стоило. Тремейн проехал около мили по постоянно сужавшейся, теперь уже покрытой льдом дороге, когда в сотне ярдов впереди заметил возле живой изгороди темную фигуру. Он осторожно притормозил и остановился.

– Простите, пожалуйста, – вежливо обратился Тремейн к незнакомцу, – не могли бы вы подсказать, где находится Шербрум-Хаус?

Мужчина смерил его долгим пристальным взглядом. Высокий, в плотном пальто с поднятым воротником, он казался очень массивным. Мордекай Тремейн занервничал, хотя странный незнакомец не проявил признаков враждебности. Ощущение неясной угрозы создавала его неподвижность среди снежного мрака. Но ответ все-таки последовал.

– Шербрум-Хаус здесь, – произнес человек. – Перед вами.

Мордекай Тремейн настолько обрадовался, что почти не обратил внимания на нелюбезный тон. Действительно, в нескольких ярдах от дороги две каменные колонны отмечали въездную аллею.

– Спасибо, – улыбнулся он. – В темноте не заметил ворота.

Он осторожно развернул машину, чтобы вписаться в просвет между колоннами. Проезжая мимо незнакомца, приветственно поднял руку, но тот не отреагировал. Тремейн заглянул

ему в лицо и испытал едва ли не шок: в чертах сквозила откровенная, неприкрытая злоба. Душу этого человека переполняла ненависть.

В следующее мгновение Мордекай Тремейн уже ехал по аллее. В нескольких ярдах от колонн, за поворотом, взору впервые открылся Шербрум-Хаус. Дом стоял примерно в четверти мили от поворота – высокий, темно-серый, вздымающий остроконечную крышу в сумрачное снежное небо. «Старинный», «таинственный», «угрюмый» – такие эпитеты приходили на ум при первом взгляде на замок. Несколько освещенных окон усиливали это впечатление.

Мордекай Тремейн поспешил заглушить промелькнувший в сознании шепот страха и постарался не обращать внимания на сжавший сердце холод: темнота, снег, напряжение и усталость долгой дороги не оправдывали малодушных уступок причудам не в меру разыгравшегося воображения, – однако убедить себя так и не удалось. Подъезжая к массивному дому с высокими двустворчатыми окнами, Тремейн все отчетливее ощущал, что рок вершит свой суд где-то поблизости, а впереди маячат тьма и ужас.

Глава 3

Любезное приветствие Николаса Блейза и яркое пламя камина заставили Тремейна забыть о недавней подавленности и дурных предчувствиях. Вместе с умиротворяющим теплом весело пылающих дров вернулось душевное равновесие. Наступила уютная реальность дружеского общения и счастливого Рождества.

Мордекай Тремейн отличался незамутненным, по-детски гибким восприятием мира. Ему ничего не стоило в течение нескольких секунд перейти от глубокой депрессии к безоблачному оптимизму, от мрачного ожидания несчастья – к наивному восторгу перед лучшим из миров.

– Мы уже начали волноваться, – признался Николас Блейз. – Дорога выдалась трудной?

– Вовсе нет, – ответил Тремейн. – Просто задержался на полчаса в Калнфорде и выбился из графика. Надеюсь, я не создал неудобств?

– Ни малейших, – заверил секретарь. – В Рождество у нас тут всегда царит суматоха. Еще ждем мистера Лорринга. Профессор должен был появиться вчера, но задержался. Наверное, отправился на поезде, а сейчас железная дорога с трудом справляется с нагрузкой. Сами понимаете, что означает предпраздничный наплыв пассажиров в сочетании со снегом.

– Профессор Лорринг? Уж не тот ли профессор Эрнест Лорринг, который проводил научные исследования по заказу правительства?

Николас Блейз кивнул и повел гостя к двери.

– Он самый. Бенедикт недавно познакомился с ним. Полагаю, решил, что мистер Лорринг слишком много работает и несколько дней в Шербруме пойдут ему на пользу. Кстати, – добавил Николас с улыбкой, – надеюсь, вы любите Рождество!

Мордекай Тремейн вскинул брови:

– Неужели я похож на Скруджа?

– Нет. Просто решил на всякий случай предупредить! Дело в том, что Бенедикт – фанатик рождественских праздников и строго следует канону. Соблюдает все традиции: у нас неизменно присутствуют рождественские гимны, падуб, омела, елка и Санта-Клаус.

Мордекай Тремейн взглянул с подобающим случаю интересом:

– Санта-Клаус?

– Эту роль исполняет сам Бенедикт. Надевает шубу, привязывает белую бороду, которую хранит специально для этого случая. Поздно ночью, когда все уже спят, спускается в рождественский зал и наряжает елку. Заранее готовит подарок каждому. Подозреваю, что работа кипит едва ли не целый год. Однако позвольте проводить вас в комнату. Как только устроитесь, начинайте знакомиться с обитателями дома.

Секретарь ни словом не обмолвился о постскрипуме к письму. Видимо, отложил объяснение до более удобного случая.

К обеду церемония представления гостей завершилась. Мордекай Тремейн, все еще озадаченный вереницей лиц, каждому из которых соответствовало незнакомое имя, обнаружил, что об руку с Розалиндой Марш участвует в торжественной процессии, направляющейся в просторную, сияющую серебром и хрусталем столовую.

Розалинда Марш была весьма выдержанной и уверенной в себе молодой дамой – качество исключительно ценное, поскольку Тремейн так и не смог преодолеть невыгодное положение пожилого холостяка, сохранившего юношеские иллюзии по отношению к противоположному полу. Она с готовностью поддерживала беседу и на каждый заданный вопрос отвечала прямо.

– Я работаю, – сообщила мисс Марш. – Пишу картины. А еще держу в городе художественный салон. Назначаю немисливо высокие цены и зарабатываю на жизнь с помощью соотечественников, которым толстый кошелек заменяет хороший вкус.

Мордекай Тремейн надеялся, что сумел скрыть как благоговение, так и ужас, внушенный откровенным цинизмом дамы. Красота Розалинды Марш принадлежала к тому типу, какой наиболее точно соответствует категории торжественного величия. Собранные в изысканную прическу светлые волосы в полной мере являли восхищенному взору грациозную шею, и уверенная постановка головы представляла в наиболее выгодном ракурсе. Черты лица отличались классической правильностью, а безупречная кожа не имела ни малейшего изъяна. Широко раскрытые голубые глаза смотрели на мир живо и внимательно.

И все же что-то в ее античной внешности нарушало гармонию. Слушая свою спутницу, Тремейн пытался определить, в чем именно заключалось несоответствие, и в конце концов решил, что мешала твердость линий рта и носа. Твердость, граничившая с грубостью. Дама выглядела слишком холодной и напоминала мраморную статую. Тепло женственности не смягчало безупречный профиль, не окрашивало румянцем щеки. Розалинда Марш была деловой женщиной и тем самым внушала опасение.

Внезапно Мордекай Тремейн осознал, что дама обращается к нему.

– Боюсь, в настоящее время я являюсь социальным паразитом, – с улыбкой ответил он на прямой вопрос. – Не делаю ничего, что могло бы оправдать существование на земле. А раньше торговал табаком.

На мгновение Розалинда Марш растерялась, а потом уточнила:

– Полагаю, вы здесь впервые? Где состоялось ваше знакомство с Бенедиктом?

Перевести вопрос на понятный язык не составило труда. На самом деле Розалинда интересовалась, где Бенедикт Грейм отыскал подобное несуслазное существо. За стеклами пенсне глаза Мордекай Тремейна лукаво блеснули.

– Одна моя приятельница устроила вечеринку. Мы оба там были.

По лицу Розалинды Марш скользнуло легчайшее облачко, однако Мордекай заметил его, а также задумчивый взгляд, в котором сквозило настороженное внимание и что-то еще, очень похожее на проблеск симпатии. Он понял, что ей хочется задать новые вопросы, однако помогать не стал, а мисс Марш не нашла способа удовлетворить любопытство, не выходя за рамки приличия. В итоге она сделала вид, будто увлечена содержимым своей тарелки, и Тремейн получил возможность окинуть взглядом всю компанию.

К этой минуте разговор уже стал общим и приобрел приятную легкость. Никто из собравшихся за столом постоянных и временных обитателей дома не проявил особого интереса к скромному пожилому джентльмену, молча смотревшему сквозь пенсне на всех вместе и на каждого в отдельности.

Так Мордекай Тремейн думал до тех пор, пока не взглянул в конец стола и не увидел Николаса Блейза. Секретарь внимательно наблюдал за ним, причем даже не пытался это скрыть. Поняв, что попался, он улыбнулся, словно разделяя тайное знание.

Взгляды встретились на мгновение, и Блейз почти сразу отвернулся и обратился к сидевшей рядом даме, однако этого хватило, чтобы оживить мрачные подозрения, одолевавшие Тремейна по дороге в Шербрум. Зачем было послано приглашение? Почему Николас Блейз откровенно интересовался его реакцией на других гостей?

Мимолетное происшествие обострило любознательность: начиная с этого момента, ненавязчивое наблюдение стало еще пристальнее. За веселым занавесом рождественского счастья скрывалась какая-то тайна. А это означало, что существовали мелкие, но красноречивые намеки, доступные пониманию проницательного свидетеля.

Через стол, почти напротив, в свете ламп сияла лысая голова Эрнеста Лорринга. Ученый склонился над тарелкой, углубившись в трапезу и не принимая участия в беседе. Крупный, крючковатый, похожий на клюв нос, густые брови и высокие скулы придавали ему облик злодея, подчеркнутый мрачным выражением лица.

Значительная часть научных изысканий профессора Лорринга носила секретный характер. Судя по всему, постоянная необходимость отталкивать любопытных сограждан окончательно подавила и без того небольшой талант к общению, заложенный природой. Соседи по столу честно совершили несколько попыток вызвать реакцию ученого, но получили устойчиво отрицательный результат и переключились на более общительных членов компании, оставив Лорринга в неприступном величии подобно молчаливому острову в море оживленной беседы.

Тремейн вспомнил слова Николаса Блейза о рождественской атмосфере, которую Бенедикт Грейм с восторгом создавал в Шербрум-Хаусе, и спросил себя, растает ли Лорринг в дружеском тепле или останется покрытым снежной коростой, осуждающим все подряд ледяным зрителем. Пока прогноз обещал продолжение заморозков.

Его взгляд скользнул дальше, и на душе сразу потеплело. Во время знакомства с Дени Арден Мордекай Тремейн сказал себе, что, если бы удалось отсчитать назад лет тридцать, он бы выбрал именно такую девушку. А сейчас, в вечернем платье, изящной женственностью фасона подчеркивающим природную красоту, она рождала в душе восхищение живой естественностью жестов и искренностью смеха. В сравнении с легким, свободным обаянием мисс Арден Розалинда Марш выглядела мраморным изваянием – прекрасным, но лишенным живого огня.

Тремейн увидел, что соседка подняла голову, и спросил:

- Они обручены?
- Кто? – уточнила мисс Марш, хотя явно поняла, о ком идет речь.
- Мисс Арден и мистер Уинтон.
- Нет. По крайней мере, официально.
- Жаль, – отозвался он. – Выглядят так, что следовало бы обручиться.

Примерно час назад, во время знакомства, Роджер Уинтон произвел на Тремейна благоприятное впечатление, а беззастенчивое обожание, с которым он смотрел на девушку, и ее ответное сияние убедительно подтвердили первоначальное суждение. Уинтон казался серьезным, уравновешенным молодым человеком, который отлично знал, чего хочет, но не лез напролом. Он пылко любил Дени Арден, и та отвечала взаимностью.

Даже если утверждение, что влюбленных любит весь мир, отнюдь не бесспорно, Мордекай Тремейн неизменно поддавался очарованию разделенного чувства. «Романтические истории» щедро поставляли материал для удовлетворения эмоциональных запросов, однако при встрече со счастливой любовью сентиментальная душа радостно вырывалась на свободу. Вот и сейчас Тремейн сидел, склонив набок голову, с умилением смотрел на молодых людей сквозь запотевшее пенсне и думал о том, какая они чудесная пара.

– В их колесе торчит палка, – сухо промолвила Розалинда Марш.

Мордекай Тремейн вздрогнул, покинув царство грез, и вернулся к столу.

– Палка? – растерянно переспросил он, слегка обескураженный пронизательностью собеседницы.

– Палка по имени Рейнер, – тихо пояснила мисс Марш, чтобы не услышал никто из присутствующих, хотя в общем шуме опасаться нескромного внимания не стоило. – Джереми Рейнер. Роджер ему не нравится. Весьма неудачно для Дени, потому что Джереми – ее опекун.

– О! – воскликнул Мордекай Тремейн и уточнил: – Рейнер – тот джентльмен, который сидит рядом с миссис Тристам?

Люси Тристам приехала незадолго до обеда вместе с супругами Напьер, судя по всему, живущими неподалеку. Знакомство прошло второпях, но каждый, кто встречался с Люси Тристам, запоминал ее навсегда. Она уже переступила порог молодости, однако пока зрелость лишь подчеркивала безусловную женскую привлекательность. Пышные каштановые волосы с медно-рыжим отливом; изумрудные, с золотыми искрами глаза и восхитительная фигура, достоинства которой миссис Тристам прекрасно сознавала и мастерски подчеркивала. Неотразимое, волнующее создание.

– Люси великолепная, – произнесла Розалинда Марш.

Мордекай Тремейн полностью согласился с ней. Действительно великолепная, неотразимая женщина – оценка идеально соответствовала яркой внешности. Он неохотно отвел взгляд и посмотрел на Джереми Рейнера. Рейнер улыбался, но натянутая, больше похожая на гримасу улыбка не могла смягчить угрюмого выражения лица. Подобно профессору Лоррингу Рейнер не разделял всеобщего застольного веселья.

– Кажется, у него не очень хорошее настроение, правда?

Мордекай Тремейн осознал, что соседка пристально следит за его действиями. Предвосхищая вопрос, Розалинда заметила:

– Вы живо интересуетесь каждым из нас.

– Люблю изучать людей, – ответил Тремейн. – К тому же стремлюсь запомнить всех присутствующих. В незнакомой компании всегда чувствуешь себя неуверенно.

– Если смогу помочь, не стесняйтесь, обращайтесь. – Последовала едва заметная пауза, после чего мисс Марш добавила: – О чем угодно.

Мордекай Тремейн понял, что неожиданное приглашение к сближению таит более глубокий смысл, чем тот, который лежит на поверхности, однако теперь настала его очередь наткнуться на глухую стену: дальнейшего поощрения не последовало. Напрасно он искал ключ: в ответ не получил ничего, кроме равнодушия.

Признав поражение, Тремейн отвернулся, снова осмотрел длинный стол и на сей раз отметил, что не всех участников обеда видит впервые. Лицо между Бенедиктом Греймом и Николасом Блейзом показалось ему знакомым.

В соответствии с этикетом между двумя джентльменами сидела дама. Разгоряченная, возбужденная, сейчас она выглядела совсем иначе, и все же ошибки быть не могло. Эту особу он видел в Калнфорде, в чайной. Ее спутника рядом не оказалось, что неудивительно: атмосфера тайного свидания, окружавшая пару за скромным столиком в полутемном углу зала, подсказывала, что эти двое вряд ли сядут вместе за парадный стол. Ведь тогда к чему прятаться? Конечно, если свидание действительно было тайным. Мордекай Тремейн мысленно натянул вожжи: снова он вторгнулся в воображаемое пространство и создавал загадку там, где не существовало основы даже для ее предчувствия.

– Это Шарлотта Грейм, – ответила на его вопрос Розалинда Марш. – Сестра Бенедикта.

– Она живет здесь?

– Да.

Время от времени Мордекай Тремейн невольно обращал взгляд к Шарлотте Грейм. Что-то в ее облике интриговало. Внимание притягивала некая трудно определяемая, почти неуловимая черта. Казалось, она играет роль, пытаясь скрыть истинные чувства. Возникало ощущение обмана: бедняжка изо всех сил старается выглядеть беззаботной и веселой.

Трудно было понять, узнала ли она Тремейна так же, как он узнал ее. Шарлотта Грейм ни разу не посмотрела в его сторону. Оставалось одно: ждать окончания застолья.

Во время знакомства гостя со всеми обитателями дома Шарлотту Николас Блейз почему-то не представил. Тремейн спросил себя, случайный ли это промах или секретарь воздержался от знакомства намеренно – по причине, которую предстояло выяснить. Снова фантазии, оставил он собственное воображение и попытался мысленно внушить хозяину, что пришла пора завершить трапезу.

Однако мистер Грейм явно наслаждался идиллией и прерывать праздничное застолье не спешил. Он сидел на почетном месте, во главе стола, благосклонно, подобно доброму великану, смотрел на гостей спрятанными под густыми бровями голубыми глазами и оглашал комнату гулким смехом, перекрывавшим разговоры и звон приборов. В любое другое время чувствительная душа Тремейна наполнилась бы искренней симпатией. Бенедикт Грейм так открыто радовался, что напоминал ребенка, попавшего на праздник, где его назначили главным героем.

Но сейчас, когда стремление познакомиться с Шарлоттой Грейм усиливалось с каждой минутой, терпение пребывало в том состоянии, какое опытный биржевой эксперт определил бы как реакционное.

Все в мире имеет свой предел – даже усидчивость Бенедикта Грейма, – и при первой же возможности Мордекай Тремейн обратился к Николасу Блейзу.

Одна из версий сразу отпала. Секретарь непреднамеренно лишил его знакомства с Шарлоттой Грейм. Выяснилось, что в нужный момент сестры хозяина просто не было дома, а вернулась она непосредственно перед обедом и едва успела переодеться.

Блейз решил немедленно исправить оплошность. Шарлотта Грейм стояла в дальнем конце комнаты и беседовала с Люси Тристам. Она заметила подходивших джентльменов, хотя и сделала вид, будто увлечена разговором. Тремейн видел, что дама напряглась и даже побледнела. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять: сестра хозяина готовится к испытанию, которого опасается, и отчаянно пытается сохранить самообладание.

Когда Блейз представил их друг другу, Шарлотта не выдала осведомленности, а Мордекай Тремейн, в свою очередь, ограничился дежурными вежливыми фразами. Но как только секретарь удалился, сказав, что Бенедикт ждет его, и оставил их вдвоем, Тремейн сразу задал главный вопрос:

– Не мог ли я видеть вас в Калнфорде сегодня днем, мисс Грейм?

Слова прозвучали небрежно, будто он хотел просто поддержать легкий, ни к чему не обязывающий разговор, однако эффект оказался впечатляющим: Шарлотта судорожно вздохнула, еще больше побледнела и сбивчиво, неуверенно возразила:

– Я... нет, вряд ли. Прежде мы с вами не встречались.

– Речь идет не о встрече, – уточнил Тремейн. – Я остановился в Калнфорде, чтобы выпить чашку чаю, и увидел вас в крошечном кафе за углом аббатства.

– Вы ошиблись, – тихо проговорила Шарлотта. – Сегодня я не была в Калнфорде.

Ее испуганный взгляд скользил по комнате в поисках спасения. Внезапно на лице отразилось облегчение. Тремейн увидел, что рядом стоит Люси Тристам.

– Странно, – произнес он. – Наверное, мисс Грейм, у вас есть двойник. Готов поклясться, что это были вы. Впрочем, при тусклом освещении недолго и ошибиться.

– Да, – подхватила Шарлотта, с готовностью цепляясь за коварно протянутую соломинку. – Обознаться легко. – Она схватила за руку миссис Тристам. – Люси, мистер Тремейн только что предположил, будто сегодня днем видел меня в Калнфорде, в чайной. А я ответила, что это невозможно. Ведь мы с тобой весь день провели вместе, не так ли? Он не мог меня видеть.

– Разумеется, не мог, Шарлотта, – спокойно заверила Люси Тристам. – Скорее всего просто встретил даму, похожую на тебя. Разве я не права, мистер Тремейн?

Мордекай Тремейн утонул в сиянии широко раскрытых глаз, погрузился в чары мгновенно вспыхнувшего и тут же погасшего зеленого огня. Люси Тристам не выказала ни тени смущения или нервозности. Напротив, смотрела высокомерно, заранее уверенная в победе. Выдержав многозначительную паузу, она добавила:

– Мы с Шарлоттой провели вместе почти целый день. Разговаривали обо всем на свете.

Стало ясно, что тема закрыта. Мордекай Тремейн ошибся. Он не мог видеть Шарлотту Грейм в Калнфорде. Возвращаться к разговору не следовало. Тремейн в свою очередь должным образом показал, что понял намек и готов забыть о том, что увидел. Однако забывать он не собирался. Тремейн действительно видел в чайной Шарлотту Грейм, которая вела себя как испуганная заговорщица. Ее реакция рассеяла бы любые сомнения, если бы таковые существовали: отчаяние обнажило состояние нервозности и неуверенности, во время обеда спрятанное за наигранным воодушевлением.

По какой-то причине Шарлотта Грейм лгала. Люси Тристам тоже. Но почему? Что они пытались скрыть? Зачем ввали совершенно чужому человеку, не желая признаться в невинном посещении заурядной чайной? Мордекай Трмейн ощутил пробуждение охотничьего азарта. Что ж, кажется, в Рождество скучать не придется.

Глава 4

Снег падал всю ночь. Мордекай Тремейн посмотрел в замерзшее окно, увидел гладкое белое пространство и не смог угадать очертаний дороги, по которой приехал. Снегопад скрыл следы шин под плотным ровным ковром. Тремейн распахнул окно и выглянул из него. Холодный воздух хлынул в лицо и перехватил дыхание. Он вздрогнул, поспешно закрыл раму и занялся гимнастикой.

Обычно Мордекай Тремейн вставал в половине седьмого, однако здесь, в Шербруме, решил, что бесцельное блуждание по дому вызовет недовольство слуг, и позволил себе роскошь лишний час поваляться в постели. А чтобы договориться с возмущенной совестью, помахал руками на десять минут дольше и оделся, чрезвычайно довольный собственными успехами.

Наступил сочельник. Интересно, какие события принесет начинающийся день? Жизненный опыт подсказывал, что гости и постоянные обитатели дома составили чрезвычайно пеструю компанию, где могло таиться все, что угодно, и точно так же все, что угодно, могло случиться. Разумеется, существовала равная возможность, что, несмотря на внешнюю экстравагантность, эти люди окажутся самыми обычными и даже скучными персонажами, но Мордекай Тремейн предпочел позволить воображению роскошь сомнения.

Николас Блейз до сих пор не представил собственной версии вызвавшей тревогу ситуации. Впрочем, вчера обстановка не располагала к конфиденциальности: разговор неизменно оставался общим. А вот сегодня... Напевая себе под нос, Мордекай Тремейн спустился к завтраку. Пожалуй, сегодня можно ожидать результатов.

Выяснилось, что с утра пораньше Блейз беседовал с Бенедиктом Греймом, желая подробно обсудить детали предстоящего праздника и получить распоряжения. Однако вскоре последовало вознаграждение. Возможно потому, что Дени Арден тоже встала рано и несколько минут они оставались единственными обитателями утренней комнаты, или оттого, что юная свежесть обладала неотразимым очарованием, Мордекай Тремейн всем своим существом потянулся к девушке. Почувствовав душевное расположение гостя, та улыбнулась и любезно согласилась выступить в качестве гида.

– Вы ведь здесь впервые? – спросила Дени, едва они закончили завтрак. – Позвольте, я покажу вам дом.

– Ничего лучше и быть не может, – с радостью согласился Мордекай Тремейн. – Но только если ваш молодой человек не станет возражать.

– Утром Роджер не появится, – ответила Дени. – Дело в том...

Она замолчала и покраснела.

– Кажется, все не очень просто, правда? – пришел на помощь Мордекай Тремейн.

Дени взглянула на него с сомнением, и он поспешно добавил:

– Знаю, что выгляжу не в меру любопытным стариком, а потому не обижусь на заслуженную порцию презрения.

Его удрученный тон заставил ее улыбнуться, как и предполагал Тремейн.

– Наши сложности всем известны, и скрывать правду бессмысленно. Джереми – мой опекун – терпеть не может Роджера, поэтому сегодня утром он не приедет – попросила его об этом. Роджер вспыльчив, как и Джереми. Боюсь, что они снова поссорятся, а в доме много гостей.

– Снова? – Мордекай Тремейн помрачнел. – Неужели все настолько плохо? Простите. – Понимая, что ступает на зыбкую почву, он взглянул поверх пенсне и уточнил: – Мистер Рейнер как-то объяснил свою позицию?

К его облегчению, Дени не рассердилась. Только нахмурилась, отчего стала еще симпатичнее.

– В этом и заключается главная загадка. Никаких возражений у Джереми нет. По крайней мере, определенных. Просто он не любит Роджера и не стремится исправить ситуацию. Если бы я знала, в чем именно заключается причина острой неприязни, то попыталась бы устранить препятствие. Но нет. Никаких разумных объяснений опекун не дает и не считает нужным скрывать ненависть. Я в отчаянии.

Сама того не сознавая, Дени Арден выдала себя с головой. Даже если бы вечером Мордекай Тремейн не заметил ее страстной любви к Роджеру Уинтону, то сейчас непременно догадался бы о чувствах. Кажется, Дени прочитала его мысли. Густо покраснев, она взяла за руку детектива и торопливо проговорила:

– Но ведь вы приехали не затем, чтобы выслушивать мои жалобы. Лучше пойдемте, я покажу вам дом.

Утро прошло замечательно. Старинный замок восхитил гостя. Впрочем, подобное впечатление Шербрум-Хаус произвел бы, даже если бы экскурсию провел самый дряхлый из антикваров. Дени Арден искренне любила овеванный легендами дом и с радостью делилась своим восторгом.

Она увлеченно показала ту самую башню, где в бурную эпоху Реставрации сэр Гервас Мелвин принял смерть от рук кузена после карточной ссоры, привела Тремейна в просторную спальню, в которой ночевала королева Елизавета. Совместными усилиями они с трудом открыли скрипучую дверь затянутой паутиной комнаты, в течение двух лет служившей темницей для прелестной леди Изабеллы. Узнав о гибели возлюбленного, безутешная пленница выбросилась из окна на каменную террасу и разбилась насмерть.

Со стен мрачного коридора, где до сих пор бродил призрак несчастной девушки, строго взирали портреты Мелвинов.

– Часто спрашиваю себя, с какими чувствами семья покинула этот дом и отказалась от многовекового уклада, – призналась Дени, остановившись перед портретом сэра Руперта Мелвина – рыцаря с высоким надменным лбом и темной бородой, властно сжимавшего рукоять меча. – Сейчас род уже угас. Дядя Бенедикт купил дом у посредников, представлявших интересы дальнего родственника – последнего и единственного наследника. И все же сохранилось мощное ощущение традиций. Судя по всему, продавец – по-моему, его фамилия Латимер – был слишком беден, чтобы здесь жить. Но каждое лето он приезжал в Шербрум и ставил в саду палатку. Если бы не крайняя необходимость, этот человек не согласился бы расстаться с семейным гнездом.

– Наверное, удар оказался горьким и болезненным, – произнес Тремейн. – Грустно думать о медленном разрушении некогда славного рода. Мне бы точно не хотелось оказаться последним представителем древней династии, да еще вынужденным продать остатки былой роскоши.

Они осмотрели обязательное в старинных замках убежище священника, и Дени показала, как открыть спрятанную в стене секретную дверь.

– Сейчас, конечно, ничего тайного уже не осталось, – вздохнула она, – но утверждают, будто в шестнадцатом веке католический священник прятался тут целый год и англиканские мятежники не смогли его найти, хотя несколько раз устраивали внезапные обыски.

– Ужасная судьба, – промолвил Мордекай Тремейн, заглянув в темноту чулана. – Только представьте, что человек, жил подобно загнанному зверю, отсиживаясь в норе.

Тайник располагался под примыкавшей к библиотеке большой комнатой первого этажа, где уже стояла елка. Дени начала экскурсию отсюда, но надолго тут не задержалась, поэтому напоследок Мордекай Тремейн попросил разрешения взглянуть на убежище еще раз.

Вернувшись в просторный салон с французским окном и дубовыми панелями на стенах, они попали к традиционной рождественской церемонии волшебного превращения. Бенедикт Грейм и Николас Блейз украшали помещение с помощью дворцового Флеминга, с невозму-

тимым достоинством служившего вешалкой для разноцветных гирлянд. В знак приветствия Блейз жизнерадостно помахал молотком:

– Доброе утро! Хотите принять участие в работе?

Мордекай Тремейн с интересом осмотрелся. Комнату уже украшали падуб и омела, а от стены к стене тянулись серебристые ленты. В углу красовалась высокая елка, надежно укрепленная в большой деревянной кадке. Если бы рослый мужчина привстал на цыпочки и вытянул руку, то с трудом достал бы до верхушки.

– Что скажете? – раздался голос хозяина.

Подняв голову, сквозь пушистые ветки Тремейн увидел улыбающееся лицо Бенедикта Грейма. Тот возвышался, стоя на стремянке за деревом.

– Дядя Бенедикт особенно гордится елкой и всегда украшает ее сам, – пояснила Дени Арден. – Скоро увидите результат его труда.

– Не грех и постараться, – добродушно прогудел мистер Грейм. – Рождество бывает только раз в году!

Глядя сверху вниз сияющими на морщинистом лице голубыми глазами, он напоминал слегка постаревшего мистера Пиквика. Мистер Грейм утратил приятную округлость форм и заметно поседел, однако в полной мере сохранил энтузиазм молодости. Мордекай Тремейн порадовался отсутствию в саду озера, иначе неугомонный хозяин наверняка заставил бы гостей бодро кататься на коньках. Что и говорить, с постоянно сползающим пенсне и разъезжающимися на льду ногами сам он вряд ли представил бы достойное зрелище.

Сжимая зубами нить золотого дождя, мистер Грейм выглянул из-за ветки.

– Простите, что уделяю вам мало внимания, – пробормотал он. – Нельзя целиком положиться на слуг – приходится во всем участвовать самому. Надеюсь, вы еще не успели заскучать?

– Напротив, провожу время в высшей степени приятно, – искренне ответил Мордекай Тремейн. – Мисс Арден любезно показывает мне дом. Нет ничего интереснее старых замков.

– История здесь на каждом шагу, – согласился мистер Грейм. – А Дени – лучший гид. Знает больше любого из нас. Однако не увлекайтесь чрезмерно и не задерживайтесь в комнатах с привидениями, – лукаво добавил он. – Иначе придется объясняться с молодым Уинтоном! – Он вопросительно взглянул на Дени. – Кстати, дорогая, почему твоего воздыхателя до сих пор нет?

– Я попросила его не приходить утром. Решила, что лучше дожждаться вечера.

– Дождаться вечера! Когда я был в его возрасте... – начал Грейм, но тут же спохватился: – Прости, дорогая. Полагаю, это из-за Джереми. Старый скряга снова вышел на тропу войны? Постоянно твердит Роджеру, чтобы тот...

Отчаянными знаками и умоляющим взглядом Дени Арден попыталась остановить его монолог. Наконец Бенедикт Грейм заметил ее смятение, откашлялся и сосредоточился на украшении елки.

Воздух в комнате ощутимо сгустился. Мордекай Тремейн медленно, осторожно повернул голову и увидел Джереми Рейнера. Тот стоял возле двери, не дальше чем в пяти ярдах от остальных. В тусклом утреннем свете серая мрачность бросалась в глаза еще отчетливее. Сейчас он выглядел выше и худее, чем вчера вечером, а смотрел с нескрываемым осуждением. Мордекай Тремейн ощутил неловкость, словно стал невольным свидетелем семейной сцены. Он ненавидел домашние ссоры: вульгарные неурядицы коробили его благородную душу.

Однако Джереми Рейнер не произнес ядовитых слов, которые напрашивались в неловой ситуации. Не подал виду, что услышал презрительные слова Бенедикта Грейма. Все его внимание сосредоточилось на елке: он смотрел с таким выражением, будто дерево воплощало мировое зло.

Чувствуя себя единственным из присутствующих, непричастным к семейной драме – если не считать Флеминга, – Мордекай Тремейн решил, что обязан разрядить обстановку, и обратился к мистеру Грейму:

– Мы с мисс Арден собрались предпринять тщательный осмотр тайной комнаты, однако, чтобы не мешать вам, сделаем это позднее. – Он повернулся к Дени: – Что скажете о небольшой прогулке перед ленчем? Очень полезно для аппетита!

Дени приняла предложение не только с радостью, но и с облегчением.

– С удовольствием! – ответила она, наградив Тремейна благодарным взглядом. – Только поднимусь за шарфом.

– Пожалуй, составлю вам компанию и тоже оденусь потеплее, – произнес Тремейн. – Уже слишком стар, чтобы рисковать!

Джереми Рейнер посторонился, чтобы пропустить обоих. Держался он естественно: дружески кивнул Дени и обратился к гостю:

– Только не позволяйте ей командовать, а не то она вас загонит!

– Мои марафоны давно позади! – ответил Мордекай Тремейн.

Он улыбнулся, понимая, что никакой симпатии не возникло. Серые глаза смотрели холодно. Тремейн вышел из комнаты, радуясь мирному развитию ситуации. Не дай бог получить Джереми Рейнера в качестве врага!

Глава 5

Когда Мордекай Тремейн и Дени Арден спускались по ступеням парадного крыльца, по главной аллее подъехала машина и остановилась возле дома. Из-за руля выбрался плотный румяный человек.

– Здравствуйте, дядя Джеральд! – воскликнула Дени Арден. – Ездили за покупками?

Тремейн думал, что Джеральд Бичли заметил их, однако, услышав обращение, тот так резко вздрогнул, что стало ясно: о постороннем присутствии он не подозревал. Джеральд Бичли швырнул на сиденье пакет, который только что достал, и обернулся:

– А, это ты, Дени! Вот решил в последнюю минуту кое-что купить.

Она попыталась заглянуть в салон, но Джеральд проворно подвинулся и загородил дверцу.

– Можно посмотреть, что вы привезли? – спросила Дени. – Или это секрет?

Смущенный и недовольный, Бичли опустил голову:

– Вообще-то это... для Бенедикта.

Тремейн стоял возле правого переднего колеса и сквозь ветровое стекло видел на водителем сиденье большой сверток. Бумага слегка порвалась, и в прорехе торчала красная ткань. Джеральд Бичли поймал его заинтересованный взгляд и, он быстро повернувшись, сунул руку в открытое окно и поправил пакет. Дени Арден посмотрела с любопытством, однако оставила движение без комментария и весело объявила:

– Ну а мы собираемся пройтись перед ленчем. До встречи.

– Приятной прогулки! – отозвался Бичли в своей обычной дружелюбной манере.

Они добрались до конца аллеи, и недалеко от ворот Мордекай Тремейн впервые заметил скрытую деревьями сторожку – судя по всему, необитаемую. Штор на окнах не было, да и само строение выглядело если не окончательно заброшенным, то изрядно забытым. Они вышли на дорогу, и Дени спросила:

– Интересно, что задумал дядя Джеральд?

Мордекай Тремейн размышлял о том же, но стеснялся начать разговор, а потому с готовностью подхватил тему.

– Очень старался спрятать от нас покупку, – произнес он.

– Я попыталась взглянуть, но он загородил дверь.

– Там была какая-то ткань. Мне удалось увидеть, потому что бумага порвалась.

– Скорее всего готовит очередной розыгрыш. Невозможно угадать, что они с дядей Бенедиктом устроят в Рождество. В прошлом году дядя Джеральд провел сочельник в роли призрака леди Изабеллы и до смерти напугал тетю Шарлотту. После этого она целую неделю не разговаривала с ним.

– Почему вы зовете мистера Бичли дядей? – поинтересовался Мордекай Тремейн. – Разве он ваш родственник?

– Нет, – ответила Дени. – И дядя Бенедикт тоже не родственник. Но я привыкла думать о них как о близких людях. Джереми дружит с дядей Бенедиктом очень давно, сколько себя помню. Когда папа умер, а Джереми стал моим опекуном, дядя Бенедикт проводил с нами так много времени, что я стала считать его членом семьи.

– Мистер Бичли и мистер Грейм связаны семейными отношениями?

Дени покачала головой:

– Нет. Они просто давние друзья. Но теперь уже дядя Джеральд считается в доме своим, хотя родные здесь только дядя Бенедикт и тетя Шарлотта.

– Тетя Шарлотта? – пробормотал Мордекай Тремейн. – Леди средних лет, верно? Мне она показалась непростой особой.

– В каком смысле?

– Не могу сказать определенно. Порой немного озадачивает. По-моему, вчера днем я встретил ее в Калнфорде, в чайной, но, наверное, ошибся. Как выяснилось, в это время она беседовала с миссис Тристам, так что не могла там находиться.

Говоря это, Тремейн внимательно следил за Дени, пытаясь заметить ее реакцию и понять в конце концов, почему мисс Грейм беззастенчиво лгала. Однако Дени на него не смотрела, а в манере ее не сквозило ничего необычного.

– Мне очень жаль тетю Шарлотту, – вздохнула она. – Жизнь не приносит ей радости. Только разочарование и печаль. В молодости она была хорошенькой, но почему-то так и не вышла замуж. Иногда бедняжка кажется совсем беспомощной! К счастью, дядя Бенедикт присматривает за ней. В итоге его щедрость идет на благо обоим.

– Обоим?

– Тете Шарлотте и дяде Джеральду. Дядя Бенедикт содержит и его тоже.

– Иными словами, мистер Бичли не располагает собственными средствами?

– Насколько мне удалось выяснить, нет, – произнесла Дени. – Дядя Бенедикт постоянно оплачивает его счета, предоставляет ему кров и еду.

Несколько секунд длилось молчание, а затем Мордекай Тремейн осторожно заметил:

– Жаль, что ваш опекун настолько твердо придерживается занятой позиции.

Важно, что, несмотря на внезапную перемену темы, Дени сразу сообразила, что он имел в виду. Столь же важным и на редкость приятным показался ее уверенный, откровенный ответ.

– Даже не знаю, что думать. Джереми никогда еще не вел себя так неразумно. Да и началось все неожиданно. Не понимаю, что на него нашло.

– Хотите сказать, что опекун не всегда дурно относился к мистеру Уинтону?

– Разумеется! Прежде Джереми и Роджер прекрасно ладили. И вдруг полгода назад что-то произошло: внезапно и оттого еще более странно и неприятно.

– Может, они поссорились по какому-то принципиальному поводу?

– Нет. Если только Роджер от меня ничего не скрывает. Но я этому не верю. Он выглядит таким же растерянным, как и я. Уверена, виноват Джереми! – с жаром добавила Дени. – Он давно ведет себя странно, причем не только по отношению к Роджеру. У него возникли какие-то тайные соображения.

– В чем именно заключается странность поведения мистера Рейнера? – поинтересовался Мордекай Тремейн.

Кажется, он слегка перегнул палку. Дени словно спохватилась:

– Я просто сгущаю краски. Ничего особенного. Ни перьев в волосах, ни других чудачеств. Но иногда он ведет себя непредсказуемо. Принимает поспешные решения. Трудно предугадать, как поступит в следующую минуту. Например, до недавнего времени дядя Джереми вообще не собирался встречать Рождество в Англии. Планировал совершить деловую поездку в Америку и провести там праздничные дни. Купил билет, все подготовил и вдруг внезапно передумал.

– Он объяснил причину?

– Не произнес ни слова, кроме того, что планы изменились. И это тоже странно, ведь прежде он от меня ничего не скрывал.

– А если мистер Рейнер получил плохие известия относительно бизнеса и не захотел огорчать вас?

– Уверена, ничего подобного не произошло. Джереми не тот человек, который расстраивается из-за деловых проблем. Слишком многое он повидал на своем веку.

– А как отнесся к поездке в Америку мистер Грейм? Насколько могу судить, Рождество для него – великое событие. Он не возражал против отсутствия мистера Рейнера?

– Дядя Бенедикт расстроился, – ответила Дени. – Ему важно, чтобы все мы встречали праздник дома. Однако открыто возражать он не стал. Сказал лишь, что будет разочарован отсутствием Джереми, но окончательное решение оставляет за ним.

Мордекай Тремейн пристально взглянул на Дени и остановился. Она удивленно обернулась и посмотрела в его прикрытые стеклами пенсне живые серые глаза.

– Только не говорите, что выбились из сил! – воскликнула она шутливо.

– Нет, не выбился. Просто очень удивился. Не могу понять, почему вы разговариваете со мной вот так.

– О чем вы? – произнесла Дени, однако щеки ее вспыхнули предательским румянцем.

Мордекай Тремейн подумал, что смущение ей к лицу.

– Наш разговор трудно назвать легкомысленным, – сказал он. – Я приехал вчера, и все же вы делитесь со мной проблемами, которые вряд ли регулярно обсуждаете с едва знакомыми людьми. Почему?

Дени постояла молча, с пылающими щеками, а потом произнесла:

– Хорошо. Что именно вы хотите услышать?

– То, что вас тревожит. И только если хотите поделиться этим.

– Хочу, – медленно ответила Дени. – Но не знаю, что сказать. Понимаю, что звучит глупо, – добавила она торопливо, заметив его удивленный взгляд, – но иначе выразить не могу.

– Иными словами, вы чувствуете, что должно случиться нечто плохое, но не можете определить, что именно, и не знаете, как предотвратить события, а потому нервничаете и не находите себе места, – объяснил Мордекай Тремейн.

– Верно, – кивнула Дени. – Вы точно описали мои чувства. В чем же дело? Что меня пугает?

– Я здесь человек посторонний. И вижу только одно: подготовку к веселому, в лучшем смысле старомодному, традиционному празднованию Рождества.

– Так и есть. Наверное, я напрасно беспокоюсь. Дядя Бенедикт радостно суетится, заботится о каждой мелочи и наряжается Санта-Клаусом. Мы смеемся, шутим и вообще ведем себя как одна большая дружная семья. Елка сгибается под тяжестью подарков, даже снег идет когда положено – все так приятно и спокойно.

– Только на самом деле все не так, – печально возразил Мордекай Тремейн. – Вы не можете избавиться от странного предчувствия приближающегося кошмара. – Он пристально посмотрел ей в лицо, однако тщательно спланированная атака не достигла цели. Дени Арден не поделилась своими мыслями, и через пару мгновений Тремейн отступил на заранее подготовленную позицию:

– Вы до сих пор не ответили, почему решились на откровенность.

– Боюсь, просто люблю сплетничать. Простите. Видимо, страшно надоела вам своими жалобами. – Дени взглянула на часы и, прежде чем Тремейн успел возобновить наступление, добавила: – Боже, надо бежать, а не то опоздаем к ленчу!

На обратном пути они спешили и шли настолько быстро, что почти не разговаривали. Мордекай Тремейн с сожалением подумал, что придется дожидаться новой возможности остаться вдвоем и продолжить доверительную беседу. Жаль только, что присутствие Роджера Уинтона практически сводило шансы к нулю.

После ленча Дени Арден исчезла. Оставив надежду отыскать ее, а в случае успеха отовоевать у Роджера, Тремейн грустно брел по аллее в сторону пустой сторожки, когда его окликнули. Обернувшись, он увидел Николаса Блейза и воодушевился. Может, вторая половина дня все-таки не пройдет даром?

– Приветствую! Все украсили?

– Во всяком случае, то, что касается меня, – с улыбкой ответил секретарь. – Бенедикт продолжает возиться со своей любимой елкой, но помощь ему больше не нужна. Предпочитает трудиться в одиночестве.

– Елка для него – дело чести.

– Несомненно. Подождите до утра: увидите ее во всей красе!

– Каждый получит подарок?

Блейз кивнул.

– В данный момент Бенедикт занимается тем, что развешивает карточки. Эту часть работы он обычно выполняет днем, а поздно вечером, когда все уже ложатся спать, прикрепляет пакеты.

– При чем делает это в костюме Санта-Клауса?

– Естественно, – подтвердил Блейз. – Рад, что отыскал вас. Я ждал возможности побеседовать наедине.

– Должен признаться, что предвидел необходимость разговора, – произнес Мордекай Тремейн.

– У вас возникли вопросы относительно моего письма. Наверное, гадаете, почему я убедил Бенедикта пригласить вас. Дело в том, что предстоит серьезная работа.

– Сюжет усложняется, – усмехнулся Тремейн.

Однако Блейз внезапно смутился:

– Надеюсь, не подумаете обо мне слишком плохо: пригласил на праздник, а теперь заставляю выслушивать жалобы, – но я встревожен. Очень встревожен. Вспомнил о вас и понял, что вы и есть тот самый человек, который способен помочь. Видите ли, в полицию обращаться бесполезно, потому что не смогу сказать ничего конкретного. Там посоветуют пойти к врачу и подлечить нервы. И будут правы.

– Значит, все-таки что-то есть, – пробормотал Мордекай Тремейн.

– О чем вы? – испуганно спросил Блейз. – Вам что-то известно?

– Нет, – невозмутимо ответил Тремейн. – Вы только что сказали, что в полицию обращаться бесполезно. Что заставило вас вспомнить о ней?

– Поведение Бенедикта. Что вы о нем думаете? Не кажется ли вам, что по сравнению с первой встречей мистер Грейм изменился?

– Не заметил ничего подозрительного. Ваш хозяин пребывает в прекрасном настроении и готовится весело встретить Рождество.

– И все же он не такой, как прежде. Что-то тяготит его. По-моему, страх.

– Чего именно он боится?

– Не знаю. – Николас Блейз пожал плечами. – Потому и попросил вас приехать.

– Но что же я смогу сделать? Мистер Грейм вряд ли захочет довериться мне, если не открылся вам. По-моему, откровенничать он не собирается.

– Но вы привыкли к подобным ситуациям: имеете богатый опыт в... расследовании.

– И вы хотите, чтобы я выяснил, чего именно боится мистер Грейм?

– Можно сказать и так. Трудно определить словами, чего конкретно я хочу. Работаю у Бенедикта давно, успел к нему привязаться. Хорошо понимаю его. Ценю щедрость, готовность помочь такому жалкому существу, каким я к нему пришел. Знаю, насколько простым и цельным человеком он может быть: например в вопросах, касающихся украшения елки, – но не могу видеть его замкнутым, скрытным, теряющим радость к жизни. А именно это сейчас и происходит.

– Но почему бы не спросить у самого мистера Грейма?

Николас Блейз поморщился.

– Мне не хватает мужества, – честно признался он. – Вам известно, какие отношения нас связывают. Я управляю всеми делами Бенедикта. Он относится ко мне как к равному. Но

ведь я по-прежнему остаюсь наемным работником. Раз-другой, в особенно удачную минуту, пытался вызвать его на откровенность, однако ничего не получилось. Он лишь замкнулся.

– И вы даже не догадываетесь, что его угнетает?

Блейз помолчал.

– Нет... ничего определенного. Только...

– Только?..

– Порой возникает ощущение... да-да, не больше, чем ощущение... что Рейнер не остался в стороне.

– Вас тревожит тот же вопрос, из-за которого переживает мисс Арден?

– Дени? – удивленно переспросил Блейз. – Разве она что-нибудь говорила о Бенедикте?

– Нет, она упоминала не мистера Грейма, а своего опекуна. У нее возникли такие же чувства, как у вас в отношении мистера Грейма.

Николас Блейз помолчал, а потом уточнил:

– Ей кажется, будто с мистером Рейнером что-то не так?

– Да, – кивнул Мордекай Тремейн. – Знаменательное совпадение. Насколько могу судить, Бенедикт Грейм и Джереми Рейнер – старинные друзья. Если у обоих возникли одни и те же симптомы, то и причина скорее всего общая. Как насчет доброй старой тени из прошлого?

Он заметил внезапную растерянность собеседника и усмехнулся.

– Одна из обычных, почти банальных версий, – пояснил он извиняющимся тоном. – Давние деловые партнеры, в молодости замешанные в сомнительном предприятии, неожиданно вспоминают о прошлом и испытывают чувство вины. А спровоцировать муки совести может, например, приезд старого знакомого. Этот персонаж переживает тяжелые времена и пытается поправить материальное положение проверенным способом: с помощью шантажа.

– Маловероятно, – возразил Николас Блейз. – Уверен, дело не в этом. Они ни в малейшей степени не похожи на сообщников или заговорщиков.

Его слова прозвучали до такой степени искренне, что Мордекай Тремейн не сдержал улыбки:

– Я не настаиваю, что так оно и есть, – лишь предлагаю одно из вероятных объяснений. В последнее время в деревне не появлялись незнакомцы? В подобных случаях это обстоятельство играет существенную роль.

– Надеюсь, вы надо мной не насмехаетесь? – с подозрением осведомился Николас Блейз.

– Я говорю вполне серьезно, Ник. Вы наверняка знаете всех обитателей деревни. В последнее время не замечали на улицах посторонних?

– Пожалуй, пару незнакомцев видел, – ответил он после продолжительной паузы. – Но в этом нет ничего необычного. Несмотря на скромные размеры, Шербрум – место известное, и туристы нередко сюда заглядывают.

– Но только не в середине зимы, когда все вокруг замечено снегом, – произнес Тремейн. – И приводит их вовсе не бескорыстное желание взглянуть на живописный уголок Старой Англии. Однако вернемся к вашим незнакомцам. О них что-нибудь известно?

В сознании вдруг молнией вспыхнуло внезапное воспоминание. Не дав Блейзу ответить, Тремейн поспешно уточнил:

– Один из них высокий, худой, с темными глазами, а держится так, будто готов в любую минуту броситься в драку. Верно?

Реакция собеседника оказалась более бурной, чем он предполагал. Николас Блейз резко обернулся и воскликнул:

– Да, именно так! Но где вы его видели? Разве вы выходили за ворота?

– Нет, если не считать утренней прогулки с мисс Арден. А этого человека встретил вчера. Искал ваш дом, увидел его на дороге и остановился, чтобы спросить, куда ехать дальше. Он

стоял напротив ворот с весьма заинтересованным видом. Отсюда вопрос о появлении таинственных незнакомцев.

– Может, просто смотрел из любопытства? – предположил Блейз. – Дом старинный, очень красивый. Я тоже видел этого человека. Скорее всего, несмотря на внешнюю суровость, он не представляет опасности. Честно говоря, Мордекай, версия о таинственном незнакомце не убеждает. Бенедикт и Джереми не имеют отношения к его появлению – в этом я не сомневаюсь, хотя конкретно ничего не знаю. Более того, не возьмусь утверждать, что проблему не следует искать в Рейнере.

– Разве они с Бенедиктом не близкие друзья?

– Официально так и есть, но иногда возникают сомнения.

– По конкретной причине?

– По одной-единственной конкретной причине. Полагаю, вы видели миссис Тристам?

– Да, познакомились вчера вечером. Потрясающая женщина.

– Чрезвычайно привлекательная особа, – сухо уточнил Блейз. – В том-то и дело. Бенедикт, несомненно, считает именно так. И Рейнер тоже. Понимаете?

– Вполне. Вдовы способны творить чудеса. А джентльмены склонны решать подобные проблемы на рассвете, с пистолетами в руках. Верно?

– В общих чертах. Хотя о пистолетах речь пока не заходила.

– А что думает об этом сама дама?

– Неизвестно, что думает миссис Тристам. – Николас Блейз немного помолчал, словно давая собеседнику время проникнуться мыслью о великолепии зеленоглазой Люси, а потом спросил: – Ну так как же? Возьметесь за дело?

– Позвольте удостовериться, что правильно представляю проблему. Вам кажется, будто Бенедикта Грейма терзает некий тайный страх. Сам он ничего не объясняет, но вы считаете, что причина кроется в Джереми Рейнере.

– Нет, – поспешно возразил Блейз, – так далеко мои рассуждения не заходят. Это лишь интуитивная догадка, инстинкт, если хотите, ни на чем не основанное предчувствие – наверняка ошибочное.

– Значит, вы никого не подозреваете. Более того, даже не знаете, что именно следует подозревать. Просто чувствуете, что у мистера Грейма возникли серьезные неприятности, которые он не желает обсуждать даже с вами. Вы предлагаете мне заняться этим чрезвычайно туманным делом, однако понятия не имеете, что следует искать и с чего начать!

Николас Блейз мрачно нахмурился.

– Звучит не слишком вдохновляюще, – честно признался он. – Понимаю ваше нежелание впутываться в столь неопределенную историю. Но пусть она не испортит вам Рождество. Давайте забудем все, что я сказал.

– Подождите минутку. С чего вы взяли, что я не желаю впутываться в неопределенную историю?

– То есть вы согласны?

– Разумеется, согласен. Предложение слишком увлекательное, чтобы отказаться.

– Спасибо, Мордекай! – горячо воскликнул Блейз. – Вы сняли с моих плеч тяжелый груз. Если потребуется что-либо разузнать, что-то подсказать или сделать, дайте знать. Сразу все исполню. Вот только одна просьба...

– Знаю, – перебил Тремейн. – Ничего не говорить мистеру Грейму.

– Не хочу, чтобы вы решили, будто я намеренно действую за спиной Бенедикта. Просто не представляю, как он воспримет инициативу. Вдруг подумает, что я шпионю? После всего, что он для меня сделал...

– Разумеется. Ценю вашу позицию.

Если бы расплывчатая, туманная версия, которую пытался представить Николас Блейз, явилась из пустоты, Мордекай Трмейн скорее всего отбросил бы ее как нелепую и объяснил предпраздничной неводержанностью в еде, однако все сказанное точно совпало с картинами и впечатлениями, запавшими в его память. Образ мужчины и женщины, увлеченных интимной беседой в чайной города Калнфорда; образ худого враждебного человека, стоявшего на дороге возле Шербрум-Хауса; образ Шарлотты Грейм – бледной и нервной, решительно отрицавшей, что ездила в Калнфорд; образ несокрушимо уверенной в себе Люси Тристам, подтверждающей алиби Шарлотты Грейм с видом женщины, которая сознательно лжет и наслаждается этим. Образ серого, угрюмого Джереми Рейнера, рассматривавшего елку, над которой деловито хлопот Бенедикт Грейм; образ Дени Арден в развевающемся шарфе, с порозовевшими на ветру щеками и затаенным страхом в глазах...

Ни одна из картин сама по себе не имела глубокого смысла и могла получить более-менее разумное объяснение, однако в целом создавалось ощущение надвигающейся драмы. Мордекай Трмейн знал, что дыма без огня не бывает.

Глава 6

Главным событием дня стал приезд Остина Деламера. Его появлению предшествовала пространная телеграмма, где говорилось, что джентльмен не смог отправиться в Шербрум утренним поездом, как намеревался, а потому прибудет позднее, на машине. И действительно, в четыре часа у крыльца остановился большой автомобиль с водителем. В холл с соответствующим антуражу достоинством вкатилась невысокая полная фигура, облаченная в плотное пальто с каракулевым воротником. Остин Деламер поднял руку, приветствуя вышедшего навстречу Бенедикта Грейма. Другой рукой он держал объемистый чемодан, всем своим видом демонстрируя усталость только что оторвавшегося от трудов государственного деятеля.

– Жаль, что не удалось приехать раньше, мой дорогой друг! – обратился гость к хозяину дома. – Бесконечные дела, понимаешь ли. Невозможно отдохнуть даже в Рождество. Пришлось прихватить с собой кое-какие документы. Надеюсь, не обидишься, если время от времени я буду прятаться в комнате?

– Разумеется, не обижусь, – сердечно заверил Бенедикт Грейм. – Очень рад, что ты все-таки вырвался. Рождество без тебя не Рождество.

Даже если в глазах мелькнула насмешливая искра, в голосе она ни в малейшей степени не отразилась. Мордекай Тремейн случайно очутился в холле и стал невольным, но заинтересованным свидетелем приезда Остина Деламера. Мистер Грейм искренне обрадовался встрече.

– Полагаю, собралась обычная компания? – осведомился Деламер, позволяя дворецкому принять пальто. – И предстоят обычные забавы, включая елку?

– Включая елку, – подтвердил мистер Грейм. – Хочешь взглянуть?

– Еще успею, – с улыбкой отказался Деламер. – Вот только приведу себя в порядок и сразу отправлюсь на экскурсию. Все тот же верный традициям старик Бенедикт! – воскликнул он. – Что за разочарование постигло бы нас, не окажись вдруг елки! До чего приятно хотя бы ненадолго отвлечься от политики и погрузиться в настоящую рождественскую атмосферу! Как будто возвращаешься в детство. Редкая возможность в наши дни!

Мордекай Тремейн заподозрил, что последняя фраза предназначалась ему. Деламер заметил присутствие постороннего человека. Грейм перехватил взгляд и обернулся:

– Приветствую, Мордекай! Вы ведь не встречались с Остином Деламером?

– Нет, не имел чести.

Хозяин провел церемонию официального знакомства, а он тем временем получил удобную возможность незаметно рассмотреть политика.

Полное лицо и похожая на яйцо голова с заметно поредевшими на макушке волосами не впервые представились пытливому взгляду. Тремейн еще не встречался с парламентарием лично, но неоднократно видел его на фотографиях в газетах и слышал по радио маслянистый голос, рассуждавший на очередную злободневную тему. В результате возник образ напыщенного человечка с преувеличенным сознанием собственной значимости. Пока карьера Деламера не отличалась успешностью и развивалась медленно, натываясь на препятствия, однако в определенных кругах политик считался фигурой восходящей, полезной с точки зрения отдаленной перспективы.

Гадать о его намерениях не приходилось. Деламер не скрывал, что стремится достичь вершины. Шепотом обсуждалась неразборчивость в средствах, однако суть скандала так и не вышла за пределы сплетен. Доказательств его участия в неблагоприятных деяниях не существовало, а обвинять такого человека, как Остин Деламер, без конкретных фактов было бы опасно.

Впрочем, однажды возник намек на более определенные обстоятельства, угрожавшие весьма неловкой ситуацией, связанной с именем директора государственного учреждения.

Сейчас, стоя перед джентльменом, Мордекай Тремейн попытался вспомнить, о чем именно шла речь. Кажется, о каких-то контрактах и взятке...

В чем бы ни заключалась неприятность, за давностью лет не имело смысла копаться в ржавых обломках прошлого, тем более что Деламер затеял светскую беседу. Мордекай Тремейн выпустил мягкую руку нового знакомого, лежавшую в его ладони вяло и пассивно, без намека на ответное пожатие.

– Я здесь впервые, – пояснил он, – и с радостью жду праздника.

– Бенедикт твердо решил войти в историю в качестве героя, в век циничного материализма сохранившего дух романтического Рождества, – констатировал Остин Деламер.

Казалось, джентльмен был готов продолжить приятный разговор, однако Мордекай Тремейн тонко чувствовал атмосферу и понимал, что тот вовсе не сосредоточен на собеседнике, а ловко оперирует дипломатичными фразами, в то время как внимание его направлено на что-то другое.

Через пару минут Деламер уже поднимался в приготовленную для него комнату. Оставшись в одиночестве, Тремейн задумался о новом участнике торжества и спросил себя, отведена ли политике роль в скрытой яркими гирляндами драме. Ничто не указывало на его участие в тайных событиях, но в равной степени ничто не свидетельствовало против этого. Деламер регулярно проводил Рождество в Шербрум-Хаусе, а это означало, что чаша весов слегка склонялась в положительную сторону.

Мордекай Тремейн обуздал разыгравшееся воображение, напомнив себе о необходимости дисциплинировать ход мысли, и направился в сторону библиотеки. Войдя в комнату, он обнаружил, что территория уже занята и путь к достойному отступлению отрезан. Возле телефона сидел Джеральд Бичли.

– Я же сказал, все будет в порядке. Прослежу, чтобы ты получил деньги. – Он повысил голос. – Нет, не делай этого! Тебе заплатят. Достаточно...

Он замолчал. Чтобы объявить о своем присутствии, Мордекай Тремейн кашлянул. Джеральд Бичли взглянул с неприкрытой яростью и снова повернулся к телефону.

– Перезвоню, – торопливо предупредил он невидимого собеседника. – Потом объясню. Только ничего не делай в спешке. Получишь все, что хочешь. Он не откажет. – Бичли зло бросил трубку и грубо осведомился: – Что вам нужно?

Мордекай Тремейн вежливо ответил:

– Прошу прощения. Зашел по ошибке. Не знал, что здесь кто-то есть.

Бичли сообразил, что выдает себя, а Мордекай Тремейн, стоявший напротив в съехавшем на кончик носа пенсне и с выражением искреннего дружелюбия на лице, выглядел настолько безвредным, что злиться было просто невозможно.

– Простите, – пробормотал Джеральд Бичли. – Вы меня напугали.

– Не стоит извиняться, мне не следовало входить так тихо.

В его манере раскаяние сочеталось с благодушием. В эту минуту он напоминал старую деву, случайно попавшую в чужую спальню и застывшую в растерянности. Джеральд Бичли не сумел скрыть смущения:

– Боюсь, вы застали меня не в лучший момент. Позвонил друг, чтобы занять деньги. Отказывать не хотелось, хотя просьба далеко не первая. Я обещал помочь, но в то же время не смог удержаться, чтобы не высказать собственное мнение.

Он украдкой взглянул на собеседника, будто желая удостовериться в убедительности версии, однако лицо Тремейна осталось свободным от эмоций – разумеется, намеренно.

– Понимаю, – пробормотал он. – Подобные просьбы порой... несколько озадачивают, не так ли?

Он никоим образом не намекнул, что не поверил в наспех сочиненную историю, и мысленно добавил в свою коллекцию еще один важный эпизод. По словам Дени Арден, Дже-

ралльд Бичли находился в полной материальной зависимости от Бенедикта Грейма. Из этого вряд ли следовало, что он привык давать займы друзьям, скорее напротив – активно занимал сам. Судя по всему, один из кредиторов позвонил и начал выдвигать неприятные требования, вызвав внезапную вспышку раздражения: не хотелось демонстрировать постороннему собственные финансовые проблемы.

«Получишь все, что хочешь... Он не откажет».

Возникло логичное предположение, что местоимение «он» относилось к Бенедикту Грейму. Наверное, Бичли не впервые призывал благодетеля на помощь.

Погода не благоприятствовала прогулкам, так что, несмотря на внушительные размеры дома, Мордекай Тремейн был обречен на многочисленные встречи. Необходимо подчеркнуть, что из комнаты в комнату он переходил не бесцельно. Любовь к тайнам расцвела пышным цветом. Если бы инспектор Бойс, сотрудник Скотленд-Ярда, оказался рядом, то, едва заметив скромную фигуру в сползающем пенсне, неугомонно, словно потеряв покой, переходившую с места на место, моментально поставил бы диагноз. Дело в том, что Мордекай Тремейн прилежно собирал впечатления о любопытной компании, в которой ему предстояло встретить Рождество, причем искренне наслаждался этим процессом.

Проходя мимо распахнутой настежь двери одной из многочисленных комнат, он услышал шелест газетных страниц. Украдкой заглянул туда и заметил худую руку, листавшую громоздкий номер «Файнэншл таймс». Над спинкой кресла в свете камина сиял лишенный волос купол – голова профессора Лорринга.

Мордекай Тремейн сел напротив. Ученый, естественно, увидел его, однако готовности к общению не проявил.

– В последнее время фондовые рынки не особенно радуют, – произнес Тремейн в увеличенно жизнерадостной манере, чтобы завязать беседу.

– Совсем не радуют.

Ответ скорее напомнил рычание, чем человеческую речь, и ясно показал, что разговор начат и закончен. Однако внешняя скромность Мордекай Тремейна скрывала железную хватку, которой мог бы позавидовать любой английский бульдог.

– Полагаю, сказывается влияние рождественских каникул, – продолжил он совершенно невозмутимо. – В такое время биржи всегда проседают. Осмелюсь заметить, что интерес к ценным бумагам пропадает.

– Полагаю, так и есть, – отозвался Лорринг.

– Надеюсь, на следующей неделе жизнь возьмет реванш. Вам не кажется?

Из-за «Файнэншл таймс» донеслись звуки, полные нескрываемого недовольства. С яростным шелестом газета сложилась. Мордекай Тремейн позволил себе легкую победную улыбку и продолжил наступление:

– Впервые провожу Рождество в Шербрум-Хаусе. А вы приезжаете сюда регулярно?

– Если желаете узнать, праздновал ли я здесь Рождество прежде, то ответ отрицательный.

– В таком случае появляется возможность разделить радость ожидания, – невинно намекнул Мордекай Тремейн, словно не замечая хмурого лица, явившегося взору после падения барьера. – Сознаю, что Рождество в доме мистера Грейма неизменно отличается особым уютом и весельем.

– Рождество!

На сей раз ворчание переросло в фыркание.

– Утром наблюдал, как мистер Грейм и мистер Блейз наряжали елку, – не сдавался Тремейн. – Великолепная работа. Вы еще не видели?

Произнеся эти слова, он словно повернул выключатель, и цепь замкнулась. Ученый внезапно выпрямился, словно пронзенный электрическим разрядом.

– Нет! – крикнул он. – Не видел. Некогда заниматься ерундой. Вся эта суета не более чем повод для баловства взрослых людей.

Подобно Джеральду Бичли Лорринг осознал неоправданную резкость своей реакции и спохватился:

– Простите, если показался грубым. В последнее время очень напряженно работаю и устаю. Мечтаю провести несколько дней в тишине и покое, а потому мысль о толпе молодежи, которую придется терпеть, или – что еще хуже – компания стариков, изображающих молодых, приводит в отчаяние.

Мордекай Тремейн кивнул. Раскаяние Лорринга прозвучало ничуть не правдивее слов Бичли, однако приходилось терпеть обман и скрывать истинное отношение к неубедительному лицемерию.

– Конечно, – произнес Тремейн. – На ваши плечи легло немало специальных исследований.

Внезапно Лорринг встревожился и насторожился, словно намеревался отразить атаку. Мордекай Тремейн понял, что сейчас разговаривать бесполезно. Ученый занял оборонительную позицию, а скрытный по натуре, страдающий болезненной подозрительностью человек вряд ли откроет душу незнакомцу.

Он принес извинения, принятые с нескрываемым облегчением, и удалился, а уже закрывая за собой дверь, услышал шелест газетных страниц: Эрнест Лорринг вернулся к чтению. Что заставило Бенедикта Грейма пригласить на Рождество нелюдимого, желчного профессора? Лорринг совершенно не вписывался в компанию, призванную от души поддержать вековые традиции. Погруженный в исследования ученый не ведал, что такое веселье. Если Бенедикт Грейм напоминал мистера Пиквика, то Эрнест Лорринг убедительно воплощал образ Эбенизера Скруджа.

Наверное, Грейму удастся растопить ледяное сердце гостя. Не исключено, что хозяин сумеет уговорить его нарядиться Санта-Клаусом и раздать подарки с елки. Образ профессора, с приклеенной пышной белой бородой, покорно копошащегося в колючих ветках, показался настолько забавным, что Мордекай Тремейн тихо рассмеялся.

– Думаете о чем-то приятном, мистер Тремейн?

Он испуганно поднял голову и увидел Розалинду Марш. Она только что вошла в холл в сопровождении Джеральда Бичли. Свежий холодный воздух окрасил ее щеки румянцем, чем заметно прибавил прелести. Беломраморное величие богини несколько смягчилось. Теперь ее можно было представить живой женщиной, наделенной не только чувствами, но и страстями. Мордекай Тремейн улыбнулся, однако причину веселья не озвучил. Мисс Марш разочаровалась, хотя и воздержалась от комментария.

– После ленча еще не выходили на улицу? – спросила она, и он покачал головой.

– Нет. Бродил по дому, разговаривал со всеми.

– Результаты наблюдений оказались интересными?

– Да, – кивнул Тремейн. – Весьма любопытными.

Судя по выражению лица, Розалинда хотела задать следующий вопрос, однако передумала и взглянула на мистера Бичли.

– Не поделитесь ли сигаретой, Джеральд? Забыла наверху свой портсигар.

– С удовольствием.

Бичли удовлетворил просьбу дамы, а потом предложил портсигар и Тремейну. Тот покачал головой:

– Нет, спасибо. Я мало курю. Позволяю себе одну сигарету после еды. Иногда трубку.

– Медицинский случай! – определил Бичли.

Держался он непринужденно и жизнерадостно. Обветренное красное лицо, свитер с высоким воротом, грубое пальто и крупные руки, одна из которых сжимала толстую дубовую

палку, придавали ему облик типичного сельского жителя – простого фермера, наслаждающегося жизнью с ее простыми радостями. Казалось, неловкая сцена в библиотеке стерлась из памяти.

Розалинда Марш закурила, и Мордекай Тремейн заподозрил, что она попросту тянет время. Но ради чего?

– Приехал Остин Деламер. Теперь вся компания в сборе, – заметила дама.

– К обеду, похоже, ожидается много гостей? – уточнил Тремейн.

Она кивнула:

– Почти столько же, сколько вчера. Напьеры снова приедут и привезут Люси Тристам. Останутся на ночь, а то и на две. Так бывает из года в год. Что придумал Бенедикт на сей раз? Не слышали никаких намеков, Джеральд?

Мордекай Тремейн вспомнил утреннюю встречу во дворе, когда тот не захотел показать, что привез в машине.

– Не сомневаюсь, что при желании кое-что интересное может рассказать, – заметил он. – Правда, мистер Бичли?

Тремейн говорил с подчеркнутым лукавством, изображая болтливого старого проныру, пытавшегося выудить сведения прозрачными намеками на собственную осведомленность. Джеральд Бичли насупился. Он бы с радостью сменил тему, однако Розалинда Марш поддержала провокацию.

– Только не говорите, Джеральд, что собираетесь устроить очередное представление!

Мордекай Тремейн поправил пенсне и прищурился. В эту минуту он напоминал дружелюбного пса, выпрашивавшего каплю внимания.

– Очередное? – переспросил он. – Неужели мистер Бичли регулярно забавляет общество?

Запрокинув голову, Розалинда Марш громко рассмеялась:

– «Забавляет» – самое точное слово, хотя и означает совсем не то, что вам кажется. Джеральда знает весь Шербрум. Трудно предсказать, что он придумает завтра или через неделю. Местные жители уверены, что мистер Бичли – сумасшедший. Что было в прошлый раз, Джеральд? По-моему, вы поставили на базаре прилавок и начали менять глазированные яблоки на банки с вареньем. Верно?

Тремейн заметил, как вздулись вены на толстой шее, особенно красной по сравнению с желтым воротником свитера. Великан смотрел на белое горло Розалинды Марш с таким выражением, словно мечтал сжать его железными пальцами и задушить не в меру разговорчивую особу.

Или злость мелькнула на лице из-за игры света, а на самом деле Бичли широко улыбался? Не впервые за день Мордекай Тремейн утратил ощущение реальности. Через мгновение наваждение исчезло, и перед ним вновь предстал добродушный, грубовато-сердечный сельский житель, готовый шутить и веселиться.

– Нельзя же постоянно ходить с вытянутыми лицами! – воскликнул Бичли.

– Разумеется, нельзя! – поддержал Мордекай Тремейн, словно и не подозревал дурных намерений. – Необходимо иногда смеяться.

– Давайте сходить с ума, пока можно. Жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее всерьез.

Казалось, сейчас великан говорил то, что действительно думал.

– Наверное, у вас с мистером Греймом много общего.

– Мы понимаем друг друга, – подтвердил Бичли. – Бенедикт – прекрасный человек и очень щедрый. Не знаю, что бы мы без него делали. Никто не смог бы терпеть меня так великодушно, как он. Да, кстати, я обещал явиться к нему, как только вернусь. Пора получить очередной урок!

Пока Бичли не ушел, мисс Марш не произнесла больше ни слова: стояла в подчеркнуто свободной позе, со скучающим видом зажав в пальцах сигарету – и лишь оставшись с Тремейном наедине, она произнесла:

– Хотелось бы понять ваши намерения.

– Мои намерения? – медленно повторил он, пытаясь собраться с мыслями.

Розалинда подошла ближе.

– Если бы вы открылись мне, – тихо добавила она, – я бы постаралась помочь. К взаимной выгоде.

Из дальнего конца холла донесся какой-то звук, и Розалинда испуганно отпрянула.

– Пора подняться к себе, – громко сказала она. – Возникла необходимость в мелком ремонте!

Мисс Марш направилась к лестнице, а Мордекай Тремейн обернулся посмотреть, кто пришел. Это был дворецкий Флеминг – величественный человек средних лет с бесстрастным, лишенным выражения лицом. Он важно прошествовал по холлу, направляясь по неотложным делам и всем своим видом показывая, что ничего не видел и не слышал.

Тремейну захотелось заглянуть под маску безупречного высокопоставленного слуги и рассмотреть живого человека. Вспомнилась утренняя сцена, когда дворецкий помогал хозяину наряжать елку, и в это время появился Джереми Рейнер. Тогда Флеминг не подал виду, что ощущает возникшее напряжение, хотя наверняка понимал сложность ситуации.

В укромном углу, под лестницей, стояло кожаное кресло. Тремейн удобно расположился в полутьме и предался размышлениям. Через двадцать минут, когда вернулся Джеральд Бичли, он все еще оставался на месте.

Великан выглядел так, словно только что пережил потрясение и еще не успел прийти в себя. Он сердито бормотал что-то. Оказавшись в паре ярдов от Тремейна, Бичли осознал, что в холле кто-то есть. На лице отразилась откровенная злоба. Он молча прошагал мимо, однако успел метнуть красноречивый взгляд.

– Не в лучшем расположении духа, – промолвил Тремейн, дождался яростного хлопка парадной двери и быстро направился в ту комнату, откуда только что вышел Бичли.

Он ожидал увидеть Бенедикта Грейма, и не ошибся. Услышав шаги, хозяин резко обернулся. Кустистые брови выглядели так, словно их только что причесали в обратном направлении. Мистер Грейм производил впечатление человека, недавно принявшего участие в бурной сцене. Мордекай Тремейн не удивился. Подслушанный телефонный разговор и поведение Джеральда Бичли в холле многое объяснили. Бичли, срочно нуждавшийся в деньгах, обратился к Бенедикту Грейму, однако получил решительный отказ.

Хозяин чувствовал себя неловко.

– Вы видели Джеральда? – спросил он.

Держался Грейм так напряженно, что сразу стало ясно: что-то пытается скрыть.

– Только что встретил его в холле, – ответил Мордекай Тремейн и простодушно добавил: – Честно говоря, я решил, что мистер Бичли вышел отсюда. Разве не так?

– Неважно, – поспешно ответил Грейм, явно соображая, как бы сменить тему. Наконец придумал и после недолгой паузы проговорил: – Надеюсь, вы не очень скучаете? Боюсь, не имею возможности уделить вам столько времени, сколько хотелось бы.

– Я чувствую себя замечательно, – улыбнулся Мордекай Тремейн. – Провожу время весьма интересно.

Кустистые брови удивленно изогнулись.

– Интересно?

– Вы удивлены? Не забывайте, что мое главное увлечение – наблюдение за людьми!

На лице Грейма отразилось облегчение.

– Любитель криминальных историй вряд ли найдет здесь плодотворную почву для расследования. Все мы отвратительно законопослушны! Правда, остается Деламер. За политика я не поручусь.

Несмотря на попытку пошутить, Бенедикт Грейм по-прежнему выглядел озабоченным и производил впечатление усталого, стареющего, встревоженного человека. Тремейн вспомнил об утреннем разговоре с Николасом Блейзом. Сейчас подозрения секретаря получили наглядное подтверждение – во всяком случае, относительно тревоги Бенедикта Грейма. Однако Николас Блейз ни словом не обмолвился о Джеральде Бичли, а ведь именно он стал причиной подавленного настроения мистера Грейма.

Возникло острое искушение воспользоваться моментом и задать хозяину дома главный вопрос. Возможно, если действовать решительно, Грейм сдастся и откроет душу. Но данное секретарю обещание заставило Тремейна отказаться от заманчивого плана фронтальной атаки. Если мистер Грейм обидится на вторжение, то Николас попадет в сложную ситуацию. Мордекай Тремейн с сожалением выбрал иной путь.

– Сегодня днем ни разу не встретил вашу сестру, – произнес он. – Наверное, она поехала в Калнфорд?

– Шарлотта? Она у себя, отдыхает. Даже не могу вспомнить, когда Шарлотта в последний раз была в Калнфорде. Она редко выходит из дома. Много времени проводит в своей комнате, в одиночестве. Боюсь, слишком много. Хотелось бы, чтобы она больше общалась с людьми.

– Мисс Грейм выглядит замкнутой особой.

– Шарлотта такая с детства. Светская жизнь приводит ее в ужас, а замужество представляется кошмаром.

Сентиментальная струна, отвечавшая за чтение «Романтических историй» и других подобных изданий, протестующее зазвенела.

– Жаль, – вздохнул Тремейн. – Не трудно понять, что в юности она была красавицей. Да и сейчас очень хороша собой.

– У Шарлотты был выбор, – пожал плечами Грейм, – но она всегда держалась так, словно любовь и брак внушали ей отвращение. Конечно, я пытался исправить положение, но не сумел повлиять на сестру. Постепенно она все больше и больше замыкалась, пока не превратилась едва ли не в отшельницу. Вот почему меня так обрадовала дружба с Люси... с миссис Тристам. В последнее время они часто видятся, и Шарлотта изменилась к лучшему.

– Миссис Тристам весьма необычная особа, – заметил Мордекай Тремейн. – Очень яркая личность. Ясно, почему ваша сестра потянулась к ней.

Бенедикт Грейм промолчал, однако не смог скрыть гордости. Оценить масштаб победы Люси Тристам не составило труда.

– Если позволите откровенное мнение истинного друга, – произнес Тремейн, – то скажу, что вы переживаете не самые легкие времена.

– Имеете в виду, что овечки не всегда ведут себя смирно? – сухо отозвался Грейм. – Порой – да, но в целом приятно сознавать, что все они в твоих руках. К тому же есть и компенсация. Подопечные знают, что могут доверять мне, и делятся своими сокровенными переживаниями. Но сейчас Рождество, и вы приехали, чтобы приятно провести время! Не нужно вытаскивать из пыльных шкафов воображаемые скелеты!

На этой шутиливой ноте разговор закончился. Мистер Грейм вновь стал самим собой и с энтузиазмом занялся созданием теплой рождественской атмосферы.

Расставшись с благодетелем, Мордекай Тремейн попытался понять, что же на самом деле скрывается за жизнерадостным дружелюбием Бенедикта Грейма, и открытие вовсе не подтвердило первого впечатления. Несмотря на желание выглядеть уверенным, хозяин с трудом поддерживал в доме иллюзорную гармонию и сохранял положение великодушного властелина счастливого, пусть и слегка взбалмошного, семейства.

Мордекай Тремейн пережил всплеск сострадания – еще более острого в силу собственного сентиментального настроя. Да, сам он тоже до сих пор оставался романтиком и любил ощущать, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Вот почему душа распахнулась навстречу Бенедикту Грейму. Вот почему он с сочувствием воспринял стремление щедрого хозяина создать рождественскую сказку и разделил безыскусную радость украшения елки.

Бенедикт Грейм избрал для себя роль благодетельного деспота. Пожелал, чтобы подопечные приходили к нему в минуты печали и растерянности в надежде обрести дружеское утешение, совет и помощь. Однако, подобно прекрасной розе, на практике идеальная теория осложнилась многочисленными болезненными шипами.

Мордекай Тремейн размышлял о Шарлотте Грейм и о тех трудностях, которые тихая сестра доставляла брату, когда неожиданно увидел, как та собственной персоной направляется через холл к лестнице. Он шагнул ей навстречу:

– Мисс Грейм!

Шарлотта не обернулась, словно не услышала его. Тремейн окликнул снова, и на сей раз она намеренно притворилась глухой, ускорив шаг: подбежала к подножию лестницы и скрылась из виду.

– Все чудливее и странноватее, – пробормотал Мордекай Тремейн. «Алиса в стране чудес» занимала прочное место в его сердце, а это выражение пользовалось особой любовью.

Болезненно-нервная реакция Шарлотты почти не удивила: не ожидая столь откровенного выражения тревоги, Тремейн знал, что мисс Грейм катастрофически боится остаться с ним наедине. Но на этом события не закончились: впереди ждал интригующий инцидент, открывший новое пространство для размышлений. Он произошел, когда тусклый зимний свет окончательно сдался на милость темноты и по дому зловеще поползли тени. Тремейн сидел возле окна, смотрел на снег и вяло думал обо всем на свете. Очнувшись, обнаружил, что замерз, засиделся и покорился мраку.

Осознание собственного дискомфорта настигло его в тот момент, когда он встал, чтобы еще раз взглянуть на любимую елку Бенедикта Грейма. Определенной причины для этого не существовало – внезапная потребность возникла инстинктивно, не получив команды со стороны разума.

К этому времени Мордекай Тремейн уже успел ознакомиться с домом и без труда нашел большую комнату, где возвышалось чудесное дерево. Подчиняясь мягкому прикосновению, дверь бесшумно отворилась. Французские окна еще не скрылись за шторами, и в остатках света можно было рассмотреть возле стены елку, затейливо украшенную серебряными фонариками и блестящими гирляндами. Даже в полутьме взору являлась впечатляющая картина. Стоило ли сомневаться, что сияние электрического света и тепло праздничной атмосферы вдохнут в отягощенные подарками ветви новую жизнь? Бенедикт Грейм сумел создать великолепную иллюзию сказки.

Пока подарков не было: им предстояло появиться позднее, когда ночью Бенедикт Грейм облачится в традиционный костюм и явится к своему детищу в облике Санта-Клауса, – а сейчас висели только белые квадратные карточки с именами.

Обычно елка считается детской радостью, однако произведение мистера Грейма могло доставить удовольствие даже взрослым людям. От елки веяло искренней верой в доброту и мир. Мордекай Тремейн улыбнулся с легкой грустью. Холостяком он оставался не по собственному выбору и был бы рад видеть восторженные детские лица и сияющие счастливым ожиданием глаза.

Внезапно возникло ощущение постороннего присутствия.

В простенке между двумя французскими окнами, напротив елки, в глубоком кресле сидел человек. Уже привыкнув к тусклому свету, Мордекай Тремейн узнал высокий лоб, крючковатый нос и выступающие скулы. Эрнест Лорринг. Судя по всему, профессор не видел его.

Тремейн вошел очень тихо, а внимание ученого странным образом сосредоточилось на великолепном рождественском дереве.

Даже короткое наблюдение за мистером Лоррингом вызвало у Тремейна дрожь. Хорошо, что ученый не заметил постороннего присутствия. Черты длинного узкого лица несли печать яростной, почти хищной злобы, редко свойственной людям.

Глава 7

Праздничный обед превзошел самые смелые ожидания. Казалось, каждый из присутствующих решил внести личный вклад в общее веселье, чтобы подарить Бенедикту Грейму такой сочельник, о котором он мечтал. Мордекай Тремейн смотрел вдоль длинного стола, где не осталось ни единого свободного места, и блаженно улыбался. Хлопушки, пестрые колпаки – над праздничным столом реял дух карнавала.

Остин Деламер держался так, словно скинул оковы официоза и решил забыть о честолоубивых планах. Сейчас он сидел в лихо съехавшей на левый глаз наполеоновской треуголке и радовался жизни. Пухлые ручки воодушевленно поднимались, словно помогая рассказывать соседке веселую историю. Шарлотта Грейм слушала его с тем же выражением наигранного возбуждения, что и вчера. Глаза блестели, щеки пылали румянцем.

Во главе стола возвышался сияющий Бенедикт Грейм. Всем своим видом он выражал удовлетворение и радость: рождественская традиция продолжалась. В эти минуты хозяин напоминал восторженного ребенка, наблюдающего за успехом своей затеи.

Даже Джереми Рейнер, утратив обычную мрачную серость, беседовал с дружелюбием, согревшим суровые черты и придавшим ему вид человека с безоблачным сознанием. Тремейн отметил, что причиной необычного оживления могло послужить соседство Люси Тристам. Устоять перед обволакивающим обаянием неотразимой женственности смог бы только окончательно заledenевший индивидуум. Изумрудно-зеленое вечернее платье переливалось в свете хрустальной люстры, подчеркивая роскошь уложенных в великолепную прическу каштановых волос и неотразимую притягательность фигуры.

Единственным, кто не поддался всеобщему веселью, был Эрнест Лорринг. Как и накануне, ученый поглощал пищу в сосредоточенном молчании, низко склонив голову над тарелкой и не замечая оживленного разговора. Несколько раз радушный хозяин пытался призвать профессора к общению, однако тот сидел слишком далеко и мастерски делал вид, будто ничего не слышит. Тремейн обратил внимание, как внимательно смотрит на ученого Николас Блейз. Догадаться, о чем он думает, не составило труда. Скорее всего в поведении Лорринга секретарь видел причину тревоги Бенедикта Грейма.

После ужина стулья словно сами собой придвинулись к столу, а ковры свернулись и спрятались по углам. С пластинок зазвучала танцевальная музыка, однако к этому времени обстановка до такой степени разрядилась, что неудобства никто не ощутил. Мордекай Тремейн оказался в паре с Дени Арден, о чем мог только мечтать.

– Не видел вас сегодня днем, – произнес он, уверенно ведя даму в пассадобле.

– Мы с Роджером долго гуляли и вернулись поздно, – пояснила она и добавила: – Вы великолепно танцуете.

– Это обстоятельство вас удивляет? Неужели я выгляжу совсем старым и дряхлым? – с шутливым отчаянием спросил Тремейн.

– Нет, я имела в виду другое. Вы оказались совсем не таким, как я ожидала.

Он взглянул поверх пенсне в той манере, которая придавала ему безобидный вид, хотя на самом деле сигнализировала об опасности.

– Чего же вы ожидали? – спросил он и негромко уточнил: – И почему?

Дени не оценила значения второго вопроса.

– Не знаю, – промолвила она. – Наверное, предполагала увидеть кого-то более внушительного. Может, даже устрашающего. Я всегда вспоминаю Шерлока Холмса, когда думаю о...

Она замолчала, словно осознав, куда ведет излишняя откровенность. Покраснела и притворилась, будто внимательно слушает музыку. Однако Мордекай Тремейн не собирался отступать.

– Когда думаете о ком? – мягко поинтересовался он, а когда Дени не ответила, подсказал: – Может, о детективе?

– Да, – неохотно подтвердила она. – Ведь вы детектив, правда?

– В некотором роде. Интересуюсь криминологией, хотя и не занимаю официального положения. Но кто же, позвольте спросить, рассказал вам о моем скромном увлечении?

Мисс Арден не спешила отвечать, словно хотела удостовериться, что никого не подведет, наконец проговорила:

– Роджер упомянул мимоходом несколько дней назад, когда узнал, что вы приглашены на Рождество. Видел ваше имя в газетах в связи с каким-то убийством.

– Известность – неизбежное следствие преступления, – вздохнул Мордекай Тремейн. – Очень жаль. Надеюсь, факт не вызвал смущения.

Дени взглянула на него с подозрением, однако наполовину прикрытые пенсне глаза не выдавали истинных мыслей.

– Что вы имеете в виду?

– Не хотелось бы чувствовать, что мое присутствие здесь вызывает нечто похожее на... скованность. Кто, помимо мистера Уинтона, знает сей мрачный секрет?

– Насколько могу судить, только Джереми. Но я ни с кем это не обсуждала. Вероятно, Ник и дядя Бенедикт тоже в курсе.

– Как ваш опекун отреагировал на новость? – небрежно осведомился Мордекай Тремейн.

Возникшая в ее взгляде настороженность подсказала, что он затронул щекотливую тему, однако в этот момент музыка стихла и рядом возник Роджер Уинтон.

Мордекай Тремейн решил переключить внимание на Шарлотту и посмотрел по сторонам, собираясь пригласить ее на следующий танец. Трудно сказать, угадала ли мисс Грейм его намерение, однако быстрого взгляда на Джеральда Бичли оказалось достаточно, чтобы тот подоспел первым. Мордекай Тремейн улыбнулся. Шарлотта вызывала тем более острый интерес, чем яснее демонстрировала, что ей есть что скрывать. Побеседовать с ней, как только закончится вальс, ему не удалось. После короткого отсутствия в столовую вернулся Бенедикт Грейм, всем своим видом показывая, что собирается сделать важное объявление. Он остановился в центре комнаты и поднял руку, призывая к вниманию:

– Из деревни пришли исполнители рождественских гимнов. Пастор привел свой хор. Решил, что нам будет приятно послушать. Идея мне понравилась, и я пригласил их войти. Так что добро пожаловать на концерт.

Все направились в большую комнату и уселись напротив собравшихся возле елки артистов, тщетно пытавшихся скрыть волнение перед выступлением в «большом доме». Хотя прежние хозяева замка давным-давно покинули этот мир, дух благоговейного почтения не исчез бесследно. Певцы нервно откашливались, шаркали ногами, будто призрак феодальной власти внезапно напомнил о собственном величии. Только пастор сохранял безмятежное спокойствие. Седовласый, благодушный, сосредоточенный, он стоял перед хором, терпеливо ожидая, пока гости рассядутся. Кончики пальцев сжались в привычном жесте, с которым он каждое воскресенье слушал с кафедры старинной церкви, как прихожане поют последние строфы гимна, чтобы начать проповедь.

Мордекай Тремейн догадался, что рождественский хор стал естественным продолжением хора церковного. Он принялся считать разделившихся по голосам участников: дисканты, альты, басы. Сколько же их? Семь, восемь... певцы поменялись местами, и пришлось начать заново. За пианино села немолодая дама благородных пропорций. Вместе с пастором тринадцать человек... нет, кажется, четырнадцать...

Внезапно его внимание обострилось. В дальнем ряду, частично скрытое еловыми ветками, показалось знакомое лицо. Лицо того самого человека, который стоял возле дома в день приезда Тремейна. Лицо, неприятно удивившее выражением откровенной злобы. Совсем как

Лорринг. Мысль явилась вслед за узнаванием и поразила очевидностью. Странно, что параллель возникла лишь сейчас. Сегодня днем профессор выглядел так, словно сердце его переполняла ненависть. Такое же выражение застыло на лице стоявшего у ворот человека. Почему? Что связывает известного ученого и деревенского хориста?

Кто-то выключил верхний свет, оставив только лампу на пианино. Пастор повернулся, поднял руку, и дама призвала к вниманию напряженным вводным аккордом. Первым прозвучал старинный рождественский гимн. Умиротворенная средневековая мелодия воспарила под благородными сводами замка. Душа Тремейна отозвалась на призыв к миру, радости и доброй воле.

И все же покой не приходил. Подобно закрывшим солнце тучам два злобных лица затмили сознание. Он внимательно посмотрел на незнакомца. Темнота защищала от встречного взгляда. Из дальнего ряда хора сам он наверняка казался светлым пятном, ничем не отличавшимся от других светлых пятен, обращенных в одном направлении. Однако наблюдение дало единственный результат: сейчас на лице хориста не было даже тени злобы. Он отбросил мирские мысли и полностью сосредоточился на прилежном, почти благоговейном, исполнении гимна.

В очередной раз Мордекай Тремейн спросил себя, не заставляет ли излишне богатое воображение видеть то, чего в действительности не существует. Человек обладал естественным смуглым оттенком кожи, придававшим лицу несколько мрачное выражение, не связанное с ходом мыслей. Все исполнители сняли верхнюю одежду. Сейчас, лишенный плотного пальто, сказочного зимнего пейзажа и сумеречного освещения, незнакомец уже не выглядел огромным. Несомненно, во время первой встречи он постарался защититься от холода и оттого показался значительно массивнее, чем был на самом деле.

Единственное, что сейчас напоминало о его размерах, – это голова: не настолько большая, чтобы вызвать удивление, но крупная и к тому же поставленная благородно и гордо. Подобную голову редко встретишь на плечах обычного сельского жителя.

Рассмотреть черты лица оказалось непросто, поскольку человек стоял во втором ряду, возле елки. Густые темные волосы, широкий нос, выразительный рот. Когда он поднимал голову, тусклое освещение в сочетании с тенью на подбородке создавало впечатление короткой заостренной бороды.

Во время звучания двух первых гимнов Мордекай Тремейн не отводил взгляда от темноволосого мужчины. Не приобрел ли он уверенность в себе? Не освободился ли от настороженности и не начал ли смотреть по сторонам, словно стараясь запомнить комнату? Или вел себя как обычный крестьянин, попавший в новую обстановку, но постепенно освоившийся и вернувшийся в состояние природного здорового любопытства?

Так и не получив удовлетворительного ответа, Мордекай Тремейн переключил внимание на других. Бенедикт Грейм испытывал блаженство и сидел, свободно откинувшись на спинку кресла. Дени Арден слушала затаив дыхание – хористы пели слаженно, их голоса гармонично соединялись под высоким сводом. Роджер Уинтон радовался за Дени. Реакция остальных варьировалась от вежливой скуки Розалинды Марш, прикрывавшей рот украшенными перстнями тонкими белыми пальцами, до откровенного неприятия профессора Лорринга, чье лицо отражало мучительную попытку вынести все это.

Тремейн медленно переводил взгляд с одного слушателя на другого. Остин Деламер пребывал в состоянии безмятежности. Сложив пухлые ручки на сытом животе, он растянулся в кресле и даже прикрыл глаза. Возможно, убаюкивающая мелодия навевала мысли государственной важности, однако внешние признаки доказывали иное.

За Деламером сидели Гарольд и Эвелин Напьер. Бесцветная, не поддающаяся конкретному описанию пара. Тремейн решил, что обоим супругам слегка за сорок. Муж выглядел полноватым безобидным персонажем, немного похожим на Деламера, но без налета величия.

Жена представляла собой наделенную тихим голосом тень, когда-то симпатичную и до сих пор сохранившую скромную привлекательность. Ее отличала милая привычка перед ответом на вопрос обязательно смотреть на мужа в поисках одобрения и поддержки.

До сих пор Тремейн обменялся с Напьерами лишь несколькими фразами, а потому его пытливый ум пока не успел дать им четкое определение. Супруги давно жили в Шербруме, однако производили впечатление горожан, старавшихся приспособиться к деревне и все же испытывавших серьезные неудобства.

Эвелин Напьер не проявила желания обсуждать отношения с местными жителями. Впрочем, Тремейн признавал, что в данном вопросе воображение также могло завести его в ложном направлении. Сейчас, слушая рождественские песнопения, слегка поблекшая, с седыми прядями в когда-то каштановых волосах, миссис Напьер чем-то напоминала Шарлотту Грейм. В облике проглядывала та же скованность.

Во время первой беседы Мордекай Тремейн использовал избитый дебютный гамбит в виде замечания о красоте деревни Шербрум. Эвелин Напьер согласилась с готовностью и даже с энтузиазмом. Решив, что она родилась и выросла здесь, он продолжил удачную найденную тему:

– Корни вашей семьи уходят в глубины местной истории?

Улыбка мгновенно утратила живость, а сама Эвелин потеряла естественный интерес к беседе и насторожилась. Во всяком случае, так показалось Тремейну.

– Нет, – ответила миссис Напьер. – Мы живем тут не очень давно.

Он деликатно смягчил тон:

– Трудно представить место более удобное и живописное. Полагаю, как и большинство бывших горожан, вы стремитесь к спокойной жизни в стороне от шума и суеты?

– Так и есть, – подтвердила она энергично – слишком энергично. – Мы оба устали от города.

В тот момент подошел Джеральд Бичли, и Тремейн остановился на пороге открытия, которому так и не суждено было свершиться.

Эвелин внезапно изменила позу. Тремейн подумал, что она ощутила на себе заинтересованный взгляд, но нет – миссис Напьер не посмотрела в его сторону, а левой рукой украдкой нашла ладонь мужа. Мистер Напьер почувствовал легкое прикосновение, улыбнулся жене и нежно сжал ее пальцы. Жест вызвал у Тремейна симпатию. Его сентиментальная душа потянулась к гармоничной паре. Романтическая вера в святость брачных уз получила долгожданную поддержку.

Мордекай Тремейн посмотрел на Люси Тристам, и созерцание доставило ему возвышенное удовольствие: женскую красоту он тонко понимал и высоко ценил. Дама самозабвенно погрузилась в звуки. Она все делала самозабвенно. Не составляло труда представить ее царственное шествие по жизни – без оглядки на условности и мнение света. Возможно, из всех присутствующих Люси Тристам обладала самой яркой индивидуальностью. Полная энергии, тепла и обаяния, она относилась к редкому типу женщин, способных на людной улице покорить мужчину одним лишь мимолетным взглядом.

Решив, что изучает красавицу слишком долго и пристально, Мордекай Тремейн отвернулся и сразу наткнулся на вопросительный взгляд Николаса Блейза. Секретарь улыбнулся, и в его улыбке мелькнуло одобрение. Блейз не скрывал радости, видя, что гость не теряет времени даром.

Исполнение гимнов закончилось. Бенедикт Грейм произнес краткую благодарственную речь и вышел вместе с пастором и его небольшим хором, чтобы угостить исполнителей. Тремейн заметил, как в дверях хозяин замешкался и обернулся.

При первой же возможности Тремейн отозвал в сторону Николаса Блейза.

– Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки, – сказал тот. – Я прав?

– Не совсем. – Мордекай Трмейн покачал головой. – И все же надеюсь, вы кое-что объясните. У мистера Грейма есть привычка хранить дома большие деньги?

– В его комнате стоит сейф, где время от времени появляются разные суммы, однако совсем не такие, которые имело бы смысл красть, если вы об этом.

– Я не сказал про кражу. Но если уж разговор коснулся этой неприятной темы... Есть ли в доме что-нибудь ценное, достойное внимания грабителя?

– Да. Бриллиантовое кольцо.

– Семейная реликвия?

Заметив интерес собеседника, Николас Блейз улыбнулся.

– Нет, – ответил он и добавил: – Однако кое-какими достоинствами украшение все-таки обладает. Дело в том, что оно предназначено в подарок Дени.

– По какому-то особому случаю?

– По случаю свадьбы.

– А сама мисс Арден знает об ожерелье?

– Да. Несколько раз пыталась разубедить Бенедикта. Доказывала: мол, оно слишком дорогое, чтобы служить подарком, – но когда мистер Грейм что-то твердо решил, заставить его изменить свое мнение невозможно.

– Он очень любит мисс Арден, не правда ли?

– Относится как к родной дочери. Наверное, вы уже успели это заметить. «Собирал» кольцо много лет, постепенно покупая камни и стараясь создать безупречный комплект.

– Значит, это не секрет?

– Если секрет, то на весь свет. Во всяком случае, в доме об этом знает каждый: Джеральд, Шарлотта, я...

– А как насчет мистера Рейнера?

– Да, Джереми тоже известно, – подтвердил Блейз и, вскинув брови, уточнил: – Надеюсь, вы не хотите сказать, что Джереми решил совершить кражу?

– Неужели подобное предположение настолько немыслимо? – мягко осведомился Трмейн.

Несколько мгновений секретарь растерянно молчал, а потом произнес:

– Не то чтобы немыслимо, но, должен признаться, это не приходило мне в голову. В конце концов, для чего ему это нужно? Денег у Рейнера достаточно, а Дени он любит ничуть не меньше, чем Бенедикт, я уверен. Так зачем же лишать девушку подарка?

– Возможно, цель иная: лишить состояния ее ненавистного мужа. Вы сказали, что это свадебный подарок, а опекун не скрывает своего плохого отношения к Роджеру Уинтону.

– Так и есть, – согласился Блейз. – Однако не могу принять данную версию. В конце концов, они еще не женаты. А если Дени изменит выбор и выйдет замуж за кого-нибудь другого?

– В таком случае красть кольцо не потребуется. Конечно, если следующий претендент не вызовет столь же активной неприязни!

Николас Блейз взглянул на Тримейна с подозрением:

– Вы просто дурачите меня. Неужели вы всерьез полагаете, что Джереми способен украсть кольцо лишь для того, чтобы навредить Уинтону? Не думаю, что молодой человек обладает крупным состоянием, но он точно не беден. Не знаю, сколько стоят бриллианты: наверное, несколько тысяч, – но даже если бы пропали несколько миллионов, он не изменил бы решения жениться на Дени.

– Кажется, вы всецело на стороне претендента на руку и сердце, – заметил Мордекай Трмейн с лукавым блеском в глазах. – Однако не придавайте моим рассуждениям особого значения. Главное, что мистер Грейм хранит дома драгоценное украшение, а все остальные об этом знают. Кстати, понятие «все остальные» включает слуг?

– Скорее всего большинство слуг слышали о существовании колье. От них ничего не скроешь: вам, конечно, известно, с какой скоростью распространяются подобные слухи.

– Да, – кивнул Тремейн.

Несмотря на враждебность Лорринга и откровенную скуку Розалинды Марш, рождественские гимны создали атмосферу мира и покоя. Царившее за обедом светлое беззаботное настроение сохранилось на весь вечер. Бенедикт Грейм в ярком бумажном колпаке на взлохмаченной голове постоянно бродил между гостями. Чем активнее становилось веселье, тем шире он улыбался и чаще, громче смеялся.

Празднование надолго не затянулось. Судя по всему, именно по этой причине веселье не успело утратить свежести. В сочельник традиция предполагала ранний отход ко сну, чтобы сохранить силы для грядущих рождественских дней.

Мордекай Тремейн знал, что следует разделить всеобщую радость и расцвести душой в сердечном тепле, но достичь состояния счастливого самозабвения никак не удавалось: не получалось проникнуться духом праздника и забыть обо всем. Невидимый барьер отделял Тремейна от остальных членов компании. Не отступало ощущение отчужденности. Казалось, что он наблюдает за ними со стороны, но не принимает участие в веселье, поскольку не верит в реальность людей и событий. Разумеется, Тремейн понимал, что барьер существует исключительно в сознании, а потому при желании, совершив определенное усилие, можно разрушить препятствие.

Вернувшись в свою комнату и освободившись от утомительной необходимости проявлять внимание и поддерживать беседу, Мордекай Тремейн попытался проанализировать собственные ощущения. Что помешало проникнуться весельем рождественского вечера, тщательно подготовленного и организованного Бенедиктом Греймом? Веселья, которого он ожидал с приятным предвкушением? Что стесняло сознание и сковывало свободное проявление чувств?

Ответ пришел сам собой, на инстинктивном уровне. Радоваться мешало предчувствие рокового события. Тремейн знал, что скоро должно произойти нечто важное, и с напряжением ждал этого. Но что могло случиться? Сочельник погружает дух в безмятежный покой. Точно так же снег укрывает землю пушистым белым одеялом, маскируя нанесенные человеком шрамы и волшебным образом преображая пейзаж. В такую ночь в воздухе словно разливается счастливая магия – то самое бесстрашие, в каком человечество остро нуждается. Так откуда же взялось тяжелое предчувствие, откуда явился ужас, которому нет названия?

Мордекай Тремейн включил стоявшую возле кровати лампу и открыл новый выпуск «Романтических историй». Вот она, панацея. Вот целительный бальзам для страждущей души. Возможно, строгие критики видели в произведениях литературные прегрешения, однако сюжет радовал добротой и торжеством справедливости. Сентиментальные романы дарили читателю любовь, романтику, юмор и человечность – вечные пружины мира.

Мордекай Тремейн прилежно читал страницу за страницей, но почти ничего не воспринимал. Сегодня даже «Романтические истории» оказались бессильны. Тремейн отложил журнал и, подчиняясь внезапному порыву, встал с постели, накинул халат, подошел к окну и раздвинул шторы. Свет за спиной мешал смотреть на улицу, и Тремейн выключил лампу. Тяжелые облака закрывали небо, но луна настойчиво проникала в редкие свободные пространства, освещая белое покрывало во дворе дома и дальше, на аккуратно огороженных полях. Снег блестел на морозе, обещая осмелившемуся выйти на позднюю прогулку храбрецу сказочный пейзаж и приятный хруст под ногами.

Тремейн открыл окно, посмотрел вниз и не смог сдержать тихого удивленного возгласа. Прямо под ним по террасе двигалась фигура. В самом этом факте не было ничего особенного, но вот наряд заставил замереть от неожиданности. Человек был одет в костюм Санта-Клауса! Тремейн ясно видел длинный красный балахон и красную шапку, занесенную сверкающим в

свете луны снегом. Да, в рождественскую ночь Санта-Клаус действительно ходит по домам, чтобы радовать детей. Но ведь это фантазия, сказка!

К счастью, скоро мысли сконцентрировались, и объяснение возникло само собой. Фигура в красной шубе – не привидение. Это не кто иной, как Бенедикт Грейм. Дождавшись, когда гости разойдутся по своим комнатам, хозяин нарядился в любимый костюм и собрался украсить елку подарками.

Мордекай Трмейн высунулся из окна. Со стороны деревни плыл колокольный звон. Луна еще не скрылась за облаками и по-прежнему освещала пространство холодными лучами, превращая пейзаж в рождественскую открытку. Высокие, черные в зимней нагоде деревья отделяли дом от дороги; между крыльцом и этой границей лежал девственный, не потревоженный следами снег.

Красная фигура идеально вписывалась в декорации. Она больше не двигалась. Трмейну казалось, будто он наблюдает не сцену из действительности, а смотрит в витрину магазина, застывшую в правдоподобной, но безжизненной красоте. Однако иллюзия продолжалась не дольше мгновения. С холмов прилетел легкий ветер. Громоздкая масса темного облака медленно напозла на луну и затмила свет. Вместе с темнотой возникло ощущение угрозы. Замерзшая земля приютила злые силы. Округа утонула в злобе и пороке. Весь мир погрузился в глубокую чернильную тень и потянул за собой фигуру Санта-Клауса. Над домом собрались тучи, затем спустились низко – угрожающие и неумолимые, – словно возвещая наступление рокового часа.

Закутавшись в теплый халат, Мордекай Трмейн не чувствовал холодного зимнего воздуха, но почему-то дрожал.

Глава 8

Он проснулся от крика.

Сел в кровати, не понимая, во сне или наяву услышал пронзительный крик. Воображение и реальность, фантазия и факт переплелись так тесно, что вырванный из тревожного забытья Мордекай Тремейн не сразу осознал, что происходит. Крик повторился, и на сей раз беспомощное отчаяние шокировало, вернув к действительности. Включив на ощупь лампу, прищурившись от яркого света, он посмотрел на карманные часы. Десять минут третьего. Спать пришлось недолго, тяжелое мутное похмелье дремоты размывало сознание.

Пока Мордекай Тремейн натягивал халат, крик продолжался. Он вслушивался в истошные вопли и пытался уловить их смысл. Нужно было что-то понять. Прочитать какое-то послание. Несмотря на старание, определить, что происходит, не удавалось. Пробуждение оказалось слишком внезапным и резким. Разбираться в сумятице впечатлений было некогда. Вот оно, подсказывало сознание. Вот то самое «нечто», которого он со страхом ждал.

Открыв дверь и выйдя в коридор, Тремейн услышал, что весь дом ожил. Раздраженный голос спросил, в чем дело. Судя по настроению, голос принадлежал Лоррингу. Кто-то куда-то побежал. Теперь крики повторялись реже и звучали слабее, с придыханием, словно обессилив. Кричала женщина. Туман в голове Тремейна рассеялся настолько, что позволил определить хотя бы это. Шлепая по коридору, он спрашивал себя, что предстоит увидеть. Вопли доносились с первого этажа; возле лестницы открылась дверь, появился Джеральд Бичли и, услышав шаги, обернулся. Обычно красное, лицо его побледнело и осунулось.

– В чем дело? – испуганно спросил Бичли. – Что случилось? С Бенедиктом что-нибудь произошло?

Мордекай Тремейн внимательно посмотрел на него.

– Понятия не имею, – ответил он. – Что заставляет вас думать о мистере Грейме?

Во взгляде Джеральда Бичли мелькнул страх. Глаза забегали. В эту минуту он напоминал человека, только что совершившего ошибку и пытавшегося не попасть в ловушку.

– Это показалось... самым очевидным объяснением, – произнес он. – Я подумал, что все остальные давно спят.

Они спускались по лестнице. Мордекай Тремейн не смотрел на спутника. Этот испытанный метод заставлял людей говорить свободнее – или защищаясь от воображаемого подозрения, или подтверждая, что бояться им нечего.

– Хотите сказать, что предположили участие мистера Грейма, поскольку знали, что, едва все разойдутся по комнатам, он займется подарками?

– Верно, – с готовностью подхватил Джеральд Бичли. – Вам, разумеется, известен обычай Бенедикта. В сочельник он всегда ложится последним, потому что наряжает елку. Любит, чтобы утром каждый обитатель дома нашел свой подарок.

– Понимаю, – кивнул Мордекай Тремейн. – Одно странно: кричала женщина.

Он искоса взглянул на спутника. Только что обретенная уверенность покинула Джеральда Бичли так же стремительно, как появилась. На лице вновь отразились смущение и страх, а рука нервно потянулась к воротнику, слово внезапно стало трудно дышать. Тремейн подумал, что Джеральд окончательно растерялся.

На первом этаже сквозь открытую дверь лился свет. Они пересекли холл и вошли в комнату, где случилось нечто неведомое, но ужасное. Прежде всего Мордекай Тремейн увидел елку. Сейчас она показалась символом, главным действующим лицом темной трагедии – существом, наделенным разумом и способным рассказать главное.

Конечно, это было лишь впечатление, рожденное мгновенной концентрацией внимания. Уже в следующее мгновение в сознании отразилась полная картина событий. Кричала Шар-

лотта Грейм. Она сидела в одном из оставшихся после концерта кресел. Горе и ужас исказили ее лицо, отмеченное печатью бесконечного мучения человека, ощутившего на себе карающую руку судьбы. Она была в сером твидовом костюме, оттенявшем смертельную бледность и темные круги под страдальческими глазами. Крик позволил выплеснуть шок, но окончательно лишил сил, оставив в неподвижности.

Рядом стоял Остин Деламер. Толстяк потерял обычную напыщенность и уже не выглядел государственным деятелем, несущим на крепких плечах вечный груз забот и лишь на пару дней отвлекшимся от подписания документов исторической важности. В эту минуту он казался тем, кем был на самом деле: оплывшим лысеющим стариком, страдающим хроническим раздражением. Деламер хлопал Шарлотту по руке, напрасно пытаясь привести в чувство. С таким же успехом он мог бы выйти из комнаты: она все равно не замечала его присутствия и смотрела мимо – туда, где на полу что-то лежало. Почти под самой елкой громоздилась куча красных тряпок.

Мордекай Тремейн схватил Джеральда Бичли за руку:

– Не подходите и ни к чему не прикасайтесь!

Излишнее предупреждение. Бичли застыл, едва войдя в комнату, и теперь стоял возле двери, пытаясь что-то произнести, но издавая лишь нечленораздельные звуки.

Мордекай Тремейн шагнул к елке, посмотрел вниз, на пол, окинул цепким взглядом смятый красный балахон, красный колпак с отороченными белой каймой краями, длинную белую бороду, нелепо перекосившуюся и сползшую на щеку.

Щеку мертвеца. На красной шубе темнело багровое пятно. Оно просочилось сквозь одежду, когда пуля пробила сердце. Тремейн склонился и осмотрел отверстие – обесцвеченное по краям, немного неровное, совсем маленькое. Пуля вошла прямо под сердцем, хотя и значительно ниже.

Сознание тупо твердило одно и то же: это Санта-Клаус. Наступила рождественская ночь, и он явился. Вот только сейчас неподвижно лежит под елкой. Его убили.

Убили? Это еще предстояло доказать. Мордекай Тремейн осмотрелся, но оружия поблизости не заметил. На полу, возле руки, что-то сверкнуло. Он осторожно поднял блестящий осколок, взглянул вверх и увидел, что один из маленьких колокольчиков разбит. Скелетик игрушки печально висел на нижней ветке, напоминая о трагедии.

Несмотря на то что исполнители гимнов оставили очевидные следы своего присутствия, пол вокруг елки сохранил относительную чистоту. Тремейну удалось заметить четыре отпечатка между деревом и телом. Они будто остались от предмета, передвинутого на пару дюймов под давлением, и располагались, образуя почти правильный квадрат. А между телом и французским окном протянулась линия мокрых следов.

Все, кто собрался в комнате, молча наблюдали за происходящим. Мордекай Тремейн ощущал на себе испуганные вопросительные взгляды, однако никто не произнес ни слова. Тишину нарушил Остин Деламер. Он откашлялся и неуверенно произнес:

– По-моему, следует вызвать врача.

– Врач не сможет вернуть мертвого к жизни, – возразил Мордекай Тремейн.

– Значит, он... мертв?

– Да.

В холле раздались голоса, и скоро в комнате появились еще люди. Процессию возглавил профессор Лорринг. Рассерженный, он ворвался с видом человека, несправедливо лишенного сна, и сразу бросился в атаку:

– Что, черт возьми, здесь происходит? Подняли дикий крик среди ночи! Я...

Мордекай Тремейн выпрямился.

– Оставайтесь на месте! – велел он. – Все до одного!

Твердый голос и командный тон настолько контрастировали с мягкой внешностью, что в любом случае заставили бы подчиниться. Но сейчас вошедшие увидели под елкой неподвижную фигуру и растерялись. Лорринг побледнел. Его взгляд метнулся к дереву, словно что-то отыскивая.

– Это... убийство?

Враждебность мгновенно исчезла. Он превратился в испуганного человека и посмотрел на Тремейна так, как будто искал утешения.

– Ответ на данный вопрос сможет дать только полиция, – ответил тот.

– Полиция? – воскликнула Розалинда Марш.

– Конечно, – подтвердил Мордекай Тремейн. – Придется сообщить о том, что случилось. Вам... не нравится это?

Она вздрогнула и отпрянула, в глазах мелькнуло выражение загнанного зверя. Но уже через мгновение ее поведение резко изменилось. Мисс Марш набросилась на Тремейна с яростным негодованием:

– С какой стати мне должно это нравиться? Вы пытаетесь в чем-то меня обвинить?

– Нет-нет, что вы! Простите, если неудачно выразился.

Слегка отступив перед неожиданным напором, он так скромно и мирно стоял под елкой в сползшем на кончик носа пенсне, что мисс Марш немного успокоилась. Тремейн по очереди посмотрел на каждого, кто остановился около двери. Гости подумали, что он сбит с толку и не знает, что делать дальше. Трудно было представить, что в эту минуту скромный джентльмен хладнокровно запоминает внешность и манеру каждого, пытаясь проникнуть в мысли и извлечь максимум полезной информации.

Настало золотое время, краткий период, когда убийца – если присутствовал здесь, на месте преступления, – мог совершить ошибку и выдать себя.

Джеральд Бичли не пошевелился с того момента, как вошел в комнату, и не проявил к присутствующим ни малейшего интереса. Его внимание сосредоточилось на елке и распластанной на полу фигуре. Взгляд метался между двумя точками, а лицо казалось обескровленной тенью и выражало болезненную смесь страха и замешательства.

За ним стоял Эрнест Лорринг. В отличие от отрешенного, замкнутого в себе Джеральда Бичли ученый проявлял острый интерес к окружающему. Он подался вперед в той же агрессивной манере, с какой отвергал любые попытки завязать разговор. Казалось, профессор нападал, чтобы сгладить первые, самые страшные моменты предательства. Сейчас он выглядел воинственным, хотя и растерянным орлом, озабоченным поиском жертвы. Больше всех Лорринга беспокоил Остин Деламер, по-прежнему стоявший возле Шарлотты Грейм и, словно в забытии, сжимавший ее безвольную руку.

Вдруг Деламер понял, что за ним следят, посмотрел на Лорринга и густо покраснел. Сначала Тремейн ожидал услышать резкое замечание: политик внезапно изменил позу и даже открыл рот, но так и не произнес ни слова. Что бы он ни собирался сказать, в последний момент передумал и лишь нахмурился.

Розалинда Марш пришла в себя. Теперь она вновь выглядела холодной красавицей, готовой бесстрашно воевать за свое место под солнцем. Присутствие убитого человека несколько ее не расстроило. Опытная, лишенная сомнений светская львица давно научилась бесстрастно принимать трагедию.

А вот та особа, от которой можно было ожидать спокойного отношения к событию,отреагировала непосредственно и эмоционально. Люси Тристам вошла в комнату вслед за Напперами. Она тяжело дышала, будто бежала по коридорам. Увидев на полу неподвижную фигуру Санта-Клауса, она резко остановилась, судорожно вздохнула и схватилась за горло, а затем покачнулась. Тремейну даже показалось, что сейчас она упадет, однако Люси вцепилась в дверной косяк, чтобы не упасть, и осталась стоять.

Напьеры держались так, как и должны были вести себя разбуженные среди ночи, ничего не понимающие люди. Оба были в халатах, муж – с растрепанными волосами, жена – с сеткой на голове. Обычная, ничем не выделявшаяся супружеская пара средних лет, неожиданно попавшая в эпицентр непредвиденных событий и растерянно ожидавшая руководства ума.

И все же Мордекай Тремейн не смог бы поклясться в справедливости первого впечатления. Нечто в поведении Гарольда Напьера и его жены не вписывалось в общую картину. Да, они были рядовыми, неприметными провинциалами и выглядели соответствующим образом, но Тремейн ощущал диссонанс. Некое ускользающее, с трудом уловимое, не поддающееся определению качество намекало на скрытую за фасадом ординарности сложность.

Беглый обзор не позволил углубиться в подробности, поскольку продолжался лишь пару секунд, пока шок и растерянность удерживали полусонных людей возле двери в ожидании конкретного распоряжения. Он получил набор образов, заброшенных в сознание в торопливой последовательности, подобно поспешно сделанным фотографиям.

Потрясенные люди начали понемногу приходить в себя. Первым обрел дар речи Лорринг:

– Что же теперь делать? Если Грейм убит, не лучше ли сразу поставить в известность полицию?

Его голос прозвучал резко, почти грубо, но прежде, чем Мордекай Тремейн успел ответить, в дверях появился встревоженный Николас Блейз в халате, с зачесанными назад волосами. Увидев Тремейна, он сразу направился к нему:

– Что случилось? Какие-то крики...

Мордекай Тремейн стоял перед телом, а сейчас молча отошел, открывая обзор. Блейз посмотрел вниз, увидел красный балахон и бороду.

– Нет...

Он в ужасе отшатнулся, медленно повернулся туда, где находились остальные, холодно, пристально, безжалостно посмотрел на каждого, а потом перевел взгляд на Тремейна.

– Это случилось, Мордекай, – произнес Блейз дрожащим голосом. – Все-таки случилось. Хотел предотвратить, но опоздал...

Горечь и отчаяние перехватили его горло. Секретарь замолчал, усилием воли взял себя в руки и заговорил снова, теперь уже вполне уверенно:

– Дело за вами, Мордекай. Сейчас, когда вы здесь, необходимо немедленно заняться...

– Полиция...

– Знаю, что придется вызвать местных детективов, но они прислушаются к вашему мнению и последуют вашим советам. Только вы сможете им найти убийцу.

– А если мое вторжение в расследование не вызовет понимания? – уточнил Тремейн.

– На каком основании? – удивился Блейз. – Совершенно необязательно объявлять ваше имя. Если честь раскрытия преступления достанется офицерам, они не станут возражать. – Он схватил Тремейна за плечи. Пальцы вонзились цепко и глубоко, словно когти хищной птицы. – Вам известно, почему я вас сюда пригласил. Я боялся за Бенедикта. Спасти его так и не удалось, но по крайней мере еще не поздно отправить убийцу на виселицу!

Николас Блейз, забыв обо всех, в эту минуту видел одного лишь Тремейна.

– Вы сделаете это, Мордекай? Бенедикт лежит здесь, потому что какой-то негодяй надеется остаться безнаказанным...

– Это не мистер Грейм, – тихо сообщил Мордекай Тремейн.

Николас Блейз не сразу понял смысл слов – до такой степени его захватили эмоции.

– Не... Бенедикт?

Он опустил на колени возле убитого, склонился, чтобы рассмотреть лицо, протянул руку и убрал бороду.

Все увидели, как секретарь отпрянул, и услышали его ошеломленный вздох.

– Боже милостивый, – прошептал Николас Блейз. – Это Джереми Рейнер!

Глава 9

Николас Блейз медленно поднялся:

– Не понимаю. Ничего не понимаю. Решил, что это Бенедикт... – Он показал на красный балахон.

Мордекай Тремейн кивнул.

– Увидев распростертого здесь Санта-Клауса, вы подумали, что это мистер Грейм, потому что в сочельник он любит исполнять эту роль. Но, судя по всему, сегодня мистер Рейнер решил заменить его. Что-нибудь подобное случалось прежде?

Николас Блейз покачал головой:

– Никак не ожидал от него такого поступка. Джереми всегда считал обычай... детским. Терпеть не мог всяческие переодевания.

Блейз говорил механически, как человек, старающийся отвечать разумно, но неспособный сосредоточиться. Он отчаянно стремился сохранить видимость спокойствия, однако не мог прийти в себя.

– В библиотеке стоит телефон, – напомнил Мордекай Тремейн. – В деревне есть полицейский участок?

– Участка нет, но есть констебль, – ответил Блейз. – Сейчас позвоню ему.

– Констебль обязательно передаст сообщение начальству. Полагаю, он получает указания из Калнфорда.

– А как насчет доктора? – Секретарь постепенно возвращался в нормальное состояние. Он определенно считал себя ответственным за ситуацию. – Может, его тоже вызвать?

– Не имеет смысла беспокоить человека среди ночи, – ответил Мордекай Тремейн. – Боюсь, сомневаться в смерти мистера Рейнера не приходится, а полиция привезет своего врача.

– Вам не кажется, – произнес Николас Блейз с видом человека, знающего ответ, но считающего себя обязанным задать вопрос, – что мог произойти несчастный случай? Или самоубийство?

– Выводы мы должны оставить полиции, – заявил Мордекай Тремейн.

– Разумеется. Сейчас же позвоню в деревню. – Блейз повернулся, шагнул к двери, но остановился и уточнил: – Что-нибудь еще нужно сделать?

– Никто не должен выходить из дома. Нельзя ничего трогать. Было бы разумно разбудить слуг. И все. Остается только ждать приезда полиции.

Николас Блейз кивнул. Он уже почти пробрался сквозь молчаливую группу, когда путь преградила Дени Арден.

– В чем дело, Ник? – воскликнула она. – Что случилось?

Секретарь не ответил. Дени вошла и обвела комнату недоуменным взглядом. Сначала она увидела Шарлотту Грейм и Остину Деламера, потом посмотрела на Мордекаю Тремейна. И вдруг заметила на полу фигуру в красном одеянии.

– Джереми!

Она бросилась к елке, но Мордекай Тремейн быстро шагнул ей навстречу.

– Не подходите, мисс Арден!

– Но ведь это Джереми, – растерянно проговорила Дени. – Ему плохо...

– Сожалею, – промолвил Тремейн. – Глубоко сожалею. Но лучше к нему не прикасаться. Видите ли, полиция...

– Полиция? – В ее глазах мелькнул страх. – При чем тут полиция?

– При том, что мистер Рейнер мертв.

– Мертв... О нет!..

– Застрелен, – пояснил Тремейн. – Мистер Блейз пошел звонить в полицию.

Ее горе терзало его душу. Однако мисс Арден должна была узнать правду, причем немедленно. Дени стояла, прикрыв рот рукой и покачиваясь. Розалинда Марш и Люси Тристам поспешили бережно поддержать ее. Импульсивное проявление сочувствия удивило Тремейна, тем более что исходило оно от холодной высокомерной красавицы и от дамы, движимой примитивной энергией, исключаяющей жалость и сострадание.

Остальные лишь молча наблюдали. Узкое лицо Эрнеста Лорринга казалось высеченным из камня. Джеральд Бичли стоял, прислонившись к стене и погрузившись в печальные мысли. Напьеры держались за руки и представляли собой растерянную, испуганную пару, застывшую в ожидании неведомого, но ужасного события. Остин Деламер по-прежнему опекал лишенную жизненных сил Шарлотту Грейм.

– Присядь, дорогая, – нежно проворковала Люси Тристам.

Она обняла Дени за талию, и Мордекай Тремейн увидел, что различия между ними не ограничиваются внешними чертами. Мисс Арден выглядела несчастным потерянным ребенком, нуждающимся в утешении и помощи. Люси Тристам была зрелой женщиной, познавшей жизнь и смерть и наделенной богатством мудрости.

Лицо Розалинды Марш смягчилось искренним сожалением. Если бы так было всегда!

– Дени!

Крик всех напугал. Встревоженный мужской голос раздался с террасы. Французское окно внезапно распахнулось, и в комнату ворвался Роджер Уинтон.

– Дени! С тобой все в порядке?

Он не заметил никого, кроме мисс Арден. Подбежал и крепко обнял ее. За стеклами пенсне серые глаза Мордекай Тремейна с подозрением прищурились. Каким образом Роджеру Уинтону удалось точно рассчитать момент эффектного появления? Молодой человек должен был ночевать в нескольких милях отсюда, под крышей родительского дома. Помимо того, что он не мог услышать крики Шарлотты Грейм, добраться так быстро по неровной, замеченной снегом дороге не представлялось возможным. К тому же Уинтон явился полностью одетым.

Мордекай Тремейн понял, что сомнения возникли не только у него. Люси Тристам посмотрела на Роджера с недоверием. Она не произнесла ни слова, но через мгновение перевела взгляд на убитого Джереми Рейнера. Роджер Уинтон хотел жениться на Дени Арден. Не возникало сомнений в том, что опекун упорно препятствовал браку. И вот теперь Джереми Рейнер лежит под елкой... мертвый. Сам Уинтон не замечал подозрений, вызванных собственным появлением. Он стоял, заключив Дени в объятия, и пытался утешить. В первую минуту его присутствие не показалось Дени странным. Она доверчиво прильнула к широкой груди:

– Роджер, Джереми... он мертв...

Уинтон посмотрел на пол, затем перевел вопросительный взгляд на Мордекай Тремейна.

– Не думай об этом, дорогая, – нежно проговорил он.

Продолжая поддерживать Дени, Роджер подошел ближе. На свету Тремейн впервые ясно увидел его лицо. Щеку рассекла глубокая рана, на коже остались кровавые следы. Плотное пальто едва держалось на плечах, а одна пуговица отсутствовала.

– Вы его остановили? – спросил Тремейн.

Уинтон вскинул голову, словно внезапно что-то вспомнив.

– Нет, – ответил он. – Он набросился с тяжелой палкой или дубиной. Я упал и, наверное, на пару мгновений отключился, а когда поднялся, он уже успел убежать. Но далеко он не уйдет! Надо срочно позвонить в полицию!

– Мистер Блейз как раз этим занимается. Вы узнали того, кто на вас напал?

Уинтон покачал головой:

– Луна зашла за тучу. К тому же он закутался, но один раз я его все-таки ударил. Уверен, что след остался.

До слуха Мордекай Тремейна донесся странный звук – испуганный вздох. Он медленно обернулся. Шарлотта Грейм сидела в кресле прямо и проявляла к происходящему значительно больше интереса, чем прежде. Рот приоткрылся, а пальцы с такой силой сжали подлокотники, что напряглись даже плечи. Она с ужасом смотрела на Роджера Уинтона. Вряд ли кто-либо еще обратил внимание на внезапную перемену. Все взгляды сосредоточились на молодом человеке. Джеральд Бичли подошел и с болезненным любопытством уточнил:

– Странно, что ты не успел рассмотреть его, хотя оказался так близко, что получил изрядную трепку!

Уинтон вспыхнул:

– Что же здесь странного?

– А то, что не мешало бы рассказать нам еще кое о чем. Например, что ты здесь делаешь.

Джеральд Бичли уже не казался добродушным, грубовато-сердечным сельским жителем. В эту минуту он превратился в жестокое мстительное существо, пытавшееся обвинить первого встречного без надежды на оправдание. Мордекай Тремейн подумал, что так действует тот, кто в страхе пытается спасти собственную шкуру.

Уинтон покраснел еще гуще и рассердился. Важно, однако, что он не начал оправдываться, как поступил бы невиновный. Тремейн понял, что назревает безобразная сцена, и поспешно вмешался:

– Не сомневаюсь, что все действия мистера Уинтона имеют объяснение. Полиция сама задаст необходимые вопросы.

К счастью, враждебная вспышка не получила продолжения. В холле послышались голоса, и вскоре в комнату вернулся Николас Блейз.

– Только что видел Флеминга, – сообщил секретарь. – Он пошел будить остальных слуг. Полиция скоро приедет.

Блейз уже успел немного успокоиться, и чувствовалось, что готов взять ситуацию под контроль. При виде Роджера Уинтона он вопросительно вскинул брови.

– Мистер Уинтон только что появился, – пояснил Мордекай Тремейн. – Ему пришлось вступить в борьбу со встреченным возле дома человеком, но, к сожалению, тому все-таки удалось скрыться.

Николас Блейз смерил Уинтона тяжелым, полным подозрений взглядом:

– Хотите сказать, что действительно подрались с убийцей?

– Не знаю, был ли это убийца, – ответил Уинтон, – но с кем-то подрался.

– Этот человек вышел из дома?

– Я встретил его на дороге, когда услышал крики и поспешил, чтобы выяснить, в чем дело. Окликнул, но он бросился бежать, а я за ним. И получил вот это. – Уинтон дотронулся до разбитой челюсти. – Когда очнулся, догонять в темноте уже не имело смысла, поэтому пришел сюда.

– Странно, – заключил Николас Блейз. – Весьма странно. – Он задумался. Рассказ Уинтона открыл неожиданную перспективу. Вдруг секретарь повернулся к мисс Грейм. – Ведь это вы кричали, Шарлотта, не так ли? Видели кого-нибудь?

Она явно ждала этого вопроса, а потому быстро ответила:

– Нет, я никого не видела.

Блейз настойчиво продолжил допрос:

– В таком случае что же вы видели? Почему вышли из своей комнаты и спустились сюда?

– Я не могла уснуть: болела голова, чудились какие-то голоса, – поэтому я взяла фонарик и спустилась. Сначала ничего не увидела, а потом обо что-то споткнулась, посмотрела и... Это было ужасно... ужасно!..

– Кроме вас, здесь никого не было?

– Не знаю. Было совсем темно. И очень страшно.

Николас Блейз склонился и положил руку ей на плечо:

– Постарайтесь вспомнить, Шарлотта. Скоро приедет полиция, и вас об этом спросят.

Уверены, что никого не видели?

– Комната была пустой, – пролепетала мисс Грейм. – Если не считать... не считать...

– Тела?

– Да. Больше здесь никого не было.

Неожиданно Остин Деламер обратился к Блейзу:

– Если Рейнер не заменил Грейма, то почему Грейм не нарядил елку, как обычно? Почему не пришел сюда? Уже почти половина третьего.

– Он здесь был, – возразил Николас Блейз. – Посмотрите на дерево.

Говоря это, секретарь повернулся и показал на елку. На самой верхней прищепке висел аккуратно перевязанный яркой ленточкой небольшой пакет. Тремейн приблизился и прочитал надпись на карточке: «Джереми».

– Где же остальные подарки? – поинтересовался Остин Деламер.

– Возможно, Бенедикт еще не успел повесить их, – предположил Джеральд Бичли.

До сих пор Мордекай Тремейн оставался лишь наблюдателем, но в эту минуту решил, что настало время поделиться своими соображениями.

– Где мистер Грейм? – осведомился он.

Николас Блейз резко обернулся.

– Да, конечно, – пробормотал он, – Бенедикт...

– Он единственный, кто не спустился, – продолжил Тремейн.

Секретарь долго молчал, а потом вдруг спросил:

– Вам не кажется... Вы не подозреваете, что с Бенедиктом тоже что-то случилось?

– Нужно это выяснить, – ответил Тремейн.

Все отправились в комнату мистера Грейма. Далеко идти не пришлось, потому что спальня находилась в главной части дома, этажом выше. Дверь была заперта, и Блейз принялся стучать.

– Бенедикт, вы здесь? Бенедикт!

Послышался шорох, шелкнул замок, дверь приоткрылась и показалась взлохмаченная голова хозяина. Грейм растерянно моргал и ничего не понимал, как положено человеку, только что вырванному из глубокого сна и еще не успевшему вернуться к действительности.

– В чем дело, Ник? – проворчал он. – Что за шум?

Хозяин заметил столпившихся за спиной секретаря гостей, и выражение его лица изменилось.

– В чем дело? – спросил мистер Грейм. – Кто-нибудь заболел?

– Рейнер мертв, – ответил Блейз.

– Мертв? – повторил Грейм и пристально посмотрел на секретаря, будто с трудом понимал значение этого слова: – Мертв? Джереми? Что случилось?

– Похоже, убит – застрелен.

– Убит... – ошеломленно выдохнул Бенедикт Грейм и вышел из комнаты. – Где он?

– Внизу, возле елки. Одет в ваш костюм Санта-Клауса, – ответил Николас Блейз нарочито небрежным тоном.

Однако мистер Грейм испытал столь глубокое потрясение, что потерял дар речи. Он постоял молча, а потом нервно облизал губы.

– Абсурд! – медленно произнес мистер Грейм. – Не может быть. Мои вещи здесь.

Воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Бенедикт Грейм посмотрел на присутствующих, внезапно повернулся и скрылся в комнате. Николас Блейз подался вперед, будто хотел пойти следом, но передумал и остался на месте. Через пару секунд хозяин появился снова, с длинным красным балахоном и белой бородой в руках.

– Вот, – взволнованно пробормотал он. – Я же сказал, что костюм не мой.

Верхняя пуговица пижамы расстегнулась, и воротник выглянул из-под халата. Стоя на пороге со взъерошенными седыми волосами, беспомощно протягивая красную шубу и бутфорскую бороду, Бенедикт Грейм выглядел по меньшей мере странно, но никто даже не улыбнулся. Мордекай Тремейн шагнул вперед:

– Мистер Грейм, вы просили мистера Рейнера вместо вас украсить елку?

– Нет, – ответил Бенедикт. – Разумеется, нет. А почему вы спрашиваете? Полагаете, что мне что-либо известно?

– Нет. Я пытаюсь понять, что заставило мистера Рейнера надеть костюм и отправиться в эту комнату.

– Не знаю! – бросил Грейм.

Его голос прозвучал раздраженно, будто только что сорвался некий важный план, но уже в следующее мгновение он осознал, какое впечатление производит, какую ответственность несет в качестве хозяина дома, и обратился к Николасу Блейзу:

– Может, следует сообщить в полицию, Ник?

– Я уже позвонил, – ответил секретарь. – Скоро приедет оперативная группа.

Он явно хотел что-то добавить, но промолчал и лишь встревоженно посмотрел на Грейма. Мордекаю Тремейну показалось, будто дипломатичный секретарь не знает, о чем думает хозяин, а потому боится сказать лишнее.

Известие о том, что полицию уже оповестили, расстроило Бенедикта Грейма, однако он быстро справился с эмоциями.

– Ты бы, Ник, лучше показал, где... где Джереми.

Блейз пошел первым, мистер Грейм последовал за ним, а остальные послушно потянулись неровной вереницей подобно причудливому набору кукол, внезапно приведенных в действие чьей-то властной рукой.

Бенедикт Грейм увидел на полу неподвижную фигуру, но рассматривать ее не стал, а изумленно взглянул на елку.

– Что за черт! – Он с возмущением обернулся к Николасу Блейзу. – Кто здесь хулиганил, Ник? Кто изуродовал дерево?

– Хотите сказать, что повесили все подарки? – спокойно, но настойчиво уточнил Мордекай Тремейн, прежде чем секретарь успел ответить.

– Разумеется! Именно это я и хочу сказать! – крикнул Грейм, даже не поинтересовавшись, кто именно задал вопрос. – Прежде чем лечь спать, я все подготовил! Кто снял подарки? Джереми? Его работа?

– Если это сделал мистер Рейнер, то где же они? – произнес Тремейн.

Возле тела подарков не было. Не осталось ни мешка, ни сумки, куда Джереми мог положить их. Правда, существовала вероятность, что все, что успел снять с елки, он уже вынес, а потом зачем-то вернулся и встретил свою смерть.

– Пропали не все пакеты, – заметил Николас Блейз. – Один, предназначенный самому Джереми, остался. Наверное, бедняга просто не успел снять.

– Но там ничего нет, – мягко возразил Мордекай Тремейн.

– Вы прекрасно знаете, что он там, – рассердился Блейз. – Наверху. Мы все его видели, когда...

Он не договорил, застыв в изумлении. Рука, поднявшаяся, чтобы показать то, о чем шла речь, безвольно опустилась.

Ни одного подарка на елке не осталось. Карточка с именем Джереми Рейнера отсутствовала.

Глава 10

Казалось, Мордекай Тремейн крепко спит. Он развалился в кресле, опустив голову на грудь. Наверное, ночное бодрствование отняло последние силы, и теперь ослабевший джентльмен коротал время до рассвета.

Однако он намеренно создавал такое обманчивое впечатление. Несмотря на внешнюю вялость, его мозг бодрствовал. Тремейн вовсе не спал, а активно работал, анализируя события ночи: вспоминал, рассуждал, исследовал, – иными словами, искал ключ к раскрытию убийства.

Полиция приехала два часа назад. Под руководством суперинтенданта Кэннока – дородного, подчеркнуто вежливого офицера, всем своим видом сразу давшего понять, что возражения и ложные показания в принципе невозможны, – сотрудники полиции энергично приступили к работе. Криминалисты и фотографы занялись своими делами. Врач провел первичный осмотр тела.

Комнату, где Джереми Рейнер встретил смерть, немедленно освободили от посторонних. Эксперты не могли позволить, чтобы изучение места преступления осложнилось присутствием праздных наблюдателей.

Мордекай Тремейн сразу сообразил, как извлечь пользу из вынужденного бездействия. Долгие часы, посвященные тренировке зрительной памяти, не прошли бесследно, и сейчас он смог мысленно воспроизвести комнату в мельчайших деталях. Елка, кресло, где сидела Шарлотта Грейм, стремянка возле дальней стены, мокрые следы на полу, труп в красном балахоне – все ярко запечатлелось в сознании.

В минуты всеобщего смятения, последовавшего за исчезновением последнего подарка, Мордекай Тремейн успел быстро, внимательно и, как надеялся, незаметно осмотреть место преступления и увидел на ногах убитого резиновые сапоги. Их скрывала длинная шуба, но Тремейн слегка приподнял полу и обнаружил на полу мокрое пятно. Влажная линия тянулась к французскому окну.

Отпечатки ног Роджера Уинтона выделялись отчетливо, поскольку молодой человек слишком спешил, чтобы думать о налипшем на ботинки снеге. Вскоре снег растаял и превратился в лужицы. Выплывшая из-за облаков луна осветила холодную белизну лужайки, нарушенную тремя цепочками следов.

Определить без дополнительного осмотра было нелегко, но Тремейну показалось, будто две пары ног шагали к дому, а одна спешила в противоположном направлении. Все три линии обрывались на террасе.

Мордекай Тремейн поднял руку, чтобы поправить вечно сползавшее пенсне, и воспользовался возможностью мельком взглянуть на окружающих. Под руководством Флеминга, безупречного даже в пижаме и халате и не утратившего величия перед лицом убийства, принесли подносы с кофе. Поначалу то один, то другой из измученных членов компании произносил пару слов, однако усталость брала свое и вскоре стихли даже случайные замечания.

Время от времени в комнате появлялся констебль, и следующий свидетель отправлялся на тягостную встречу с суперинтендантом. Беседы тянулись долго. Несмотря на поздний – или ранний – час, Кэннок никуда не спешил. Тремейн решил, что офицер рассуждает справедливо: если люди не ленятся убивать друг друга в неурочное время, то пусть безропотно принимают результаты своих поступков.

Столь рьяный исследователь человеческой природы, каким, несомненно, был Мордекай Тремейн, с профессиональным вниманием наблюдал, как уходил и возвращался каждый из обитателей дома. Почти все старались выглядеть равнодушными, отчаянно стремились показать, что им нечего скрывать и, следовательно, нечего бояться.

Только что вернулся с допроса Эрнест Лорринг. Едва он появился в дверях, все взгляды тотчас устремились в его сторону. Профессор прошел к своему креслу с таким видом, словно не замечал, что товарищи по несчастью не только пристально смотрят на него, но и стараются уловить в выражении его лица следы замешательства или хотя бы смущения. Нет, ученый не вызывал особого подозрения. Обостренное внимание встречало и остальных. Тремейну показалось странным, что все, кто уже прошел собеседование, предпочли вернуться в переполненную комнату, к обескураживающим вопросительным взглядам, и никто не поднялся к себе в спальню, чтобы наконец-то лечь в постель и уснуть. Суперинтендант Кэннок не собирался вызывать свидетелей во второй раз. Выслушав каждого, он говорил, что больше не нуждается в его показаниях – по меньшей мере до утра.

Никто не хотел уходить первым, словно боялся, что в его отсутствие произойдет нечто важное, и не мог смириться ни с подобной возможностью, ни с одиночеством. Но почему? Мордекай Тремейн снова посмотрел по сторонам. Невозможно, чтобы все были замешаны в убийстве. Во всяком случае, маловероятно. Так что же связывает этих людей?

Профессор Лорринг сидел напротив. Определить результат собеседования по его лицу было трудно, но Тремейн полагал, что Кэнноку не удалось выведать ничего такого, чего ученый не захотел рассказать сам. Он еще раньше пришел к выводу, что Эрнест Лорринг заслуживает отдельного внимания. Уверенность зародилась вчера днем, когда Тремейн застал ученого злобно разглядывавшим елку, а два часа назад расцвела с тропической пышностью, потому что, если верить еще ни разу не подводившей его интуиции, рука, снявшая с елки последний подарок, была именно профессора Лорринга.

Мордекай Тремейн мысленно воссоздал череду событий, сопутствующих общему визиту в комнату Бенедикта Грейма, представил лица стоявших возле двери людей. Мистер Лорринг присоединился позднее. Следовательно, именно он последним покинул комнату, где лежало тело. Разумеется, сам профессор отрицал это, причем так упорно, что стало ясно: он отлично понимает, какое обвинение повлечет за собой признание опасного факта.

– Нонсенс! – сердито воскликнул Лорринг. – Я поднялся вместе со всеми!

Никто не смог уличить его во лжи. Движение в сторону лестницы происходило слишком хаотично, нервно и суматошно, чтобы помнить, кто шел рядом.

– Мисс Грейм явилась после меня, – сказал профессор. – А рядом с ней топтался Деламер.

Он посмотрел на обоих, словно лишая возможности опровергнуть это утверждение. Политик собрался вступить в спор, но сообразил, что стоит на скользкой почве, и промолчал. Шарлотта Грейм не проявила ни интереса, ни возмущения. Она просто не поняла, к чему клонит профессор. Мордекай Тремейн не настаивал. Отвратительное настроение Лорринга не способствовало успеху перекрестного допроса. К тому же приезд полиции пресек любую деятельность.

Бенедикт Грейм тоже хранил молчание, но хоть отсутствие печали по поводу жестокого убийства самого близкого и давнего друга и казалось странным, хозяин дома не совершил ни одного вызывающего подозрение поступка. Отсутствие нормальной человеческой реакции вполне могло объясняться последствиями сильнейшего потрясения. К тому же положение обязывало сохранять беспристрастность.

В дверях снова появился констебль. Мисс Марш услышала свое имя и встала. Лицо ее не изменило выражения, однако огонек сигареты вдруг вспыхнул особенно ярко.

Мордекай Тремейн проводил Розалинду пристальным взглядом. Суперинтенданта Кэннока ожидало новое поражение. Не возникало сомнения, что все вопросы мраморная статуя отразит с ледяным спокойствием, чем повергнет офицера в ступор – во всяком случае, временный.

Ожидая возвращения дамы, Мордекай Тремейн снова оглянулся и понял, что в очереди на допрос остались двое: Люси Тристам и он сам. Только сейчас ему пришло в голову, что порядок дачи показаний имел определенную логику: очевидно, его не случайно приберегли напоследок. Туманное соображение постепенно прояснилось и окрепло, а когда после возвращения Розалинды Марш прозвучало имя Люси Тристам, Тремейн ничуть не удивился, напротив – им овладело любопытство.

Анализируя собственные чувства, он понял, что его ощущение благополучия и безопасности коренилось в положении стороннего наблюдателя. Скрывать от полиции ему было абсолютно нечего; следовательно, нечего было и опасаться. Малейшая искра вины заставила бы Тремейна сидеть подобно остальным – застыв в нервной напряженности, вновь и вновь прокручивая в уме историю, которую собирался представить, бесконечно проверяя подробности и выискивая неточности.

Мордекай Тремейн отвлекся от попытки прочитать на лицах нечто большее, чем естественное в подобной ситуации утомление, и представил, какие сведения удастся выудить Кэнноку из великолепной Люси. Хотя прошедшие два часа оставили под прекрасными зелеными глазами темные круги, а выражение очаровательного личика омрачилось подобием страха, миссис Тристам по-прежнему оставалась женщиной, достойной восхищения. Несмотря на официальную солидность суперинтенданта, Тремейн не мог отказать офицеру в праве по достоинству оценить щедрую красоту.

Когда миссис Тристам вернулась с допроса, понять ничего не удалось. Возможно, цвет ее лица стал чуть ярче, глаза заблестели откровеннее, однако ни определить с впечатлением, ни установить причину легкого возбуждения Тремейн так и не успел.

Направляясь к своему месту, миссис Тристам посмотрела на него в упор. Ее явно интересовало его мнение. Со странным облегчением Мордекай Тремейн подумал, что никакого определенного мнения у него нет, однако прекрасная Люси об этом даже не догадывается.

Наконец прозвучало последнее имя. Вставая и выходя из комнаты вслед за констеблем, Тремейн понимал, что все взгляды сосредоточены на его персоне. Причем на сей раз не с острым любопытством и не со стремлением отыскать некий предательский знак, а с болезненной настороженностью. Внезапно он ощутил себя некой неизвестной величиной, не имевшей ничего общего с остальными. Все мгновенно объединились против чужака как против общего врага. Трудно представить положение более неловкое. Желая избавиться от неприязненных взглядов, Тремейн поспешил удалиться.

Суперинтендант Кэннок обосновался в библиотеке. Он сидел за столом лицом к двери и что-то писал. Услышав шаги, Кэннок поднял голову.

– Садитесь, Тремейн, – предложил он.

Его голос звучал спокойно. Суперинтендант не проявлял ни усталости, ни раздражения. Заполнившая пространство кресла крупная фигура излучала обезоруживающее дружелюбие, словно убеждая, что все будет хорошо. Главное – сказать правду. Тщательно рассчитанный профессиональный прием, несомненно, имел целью создание доверительной обстановки, но как только жертва испытывала облегчение, начинала чувствовать себя уверенно и совершала первую ошибку, бархатные чехлы немедленно слетали с когтей.

Мордекай Тремейн понял, что его пристально изучают, прямо посмотрел в круглое, свежее, жизнерадостное лицо суперинтенданта и твердо встретил взгляд пронизательных карих глаз. Удивительно, что подобное лицо принадлежало офицеру полиции. Скорее так мог выглядеть довольный жизнью фермер. А вот массивная, внушительная фигура вполне соответствовала общепринятому образу служителя закона. Легко было представить ее облаченной в официальную синюю форму, торжественно шествующей по подконтрольной территории. Суперинтендант преодолел длинный путь с нижней ступени карьерной лестницы.

Появление Мордекай Тремейна немного взбодрило Кэннока. Он улыбнулся, отчего вокруг глаз собрались веселые морщинки, и добродушно посетовал:

– Боюсь, ждать вам пришлось долго. Но не сомневаюсь, что вы понимаете: в столь серьезном деле необходимо учесть даже самые незначительные подробности. Вот почему предпочитаю беседовать с людьми по горячим следам. Дело в том, что память нередко преподносит странные сюрпризы, особенно утром.

– Да, – произнес Тремейн. – Вы должны добросовестно выполнить свою работу, суперинтендант. В любом случае заснуть сейчас все равно не удастся. – Он помолчал и добавил: – До сих пор никто не поднялся к себе в комнату.

Кэннок не отреагировал на замечание, продолжая деловито просматривать бумаги.

– Вы здесь впервые?

– Да.

– Близко знакомы с мистером Греймом?

– Не очень. Но, разумеется, довелось встречаться прежде.

– Однако вы знаете его достаточно хорошо, чтобы оказаться в числе приглашенных на Рождество, – пробормотал суперинтендант себе под нос и уже громче спросил: – А как насчет других гостей? Есть ли среди них давние знакомые?

Тремейн покачал головой:

– Пока я общался только с секретарем мистера Грейма, мистером Блейзом. Все остальные – люди посторонние. По крайней мере, оставались таковыми на момент приезда.

– Ясно.

Суперинтендант снова посмотрел в лежавшие перед ним заметки, и Тремейн догадался, что рутинное действие имеет двойную цель: с одной стороны, оно призвано показать, что Кэннок знает так много, что обманывать его бесполезно, а с другой – специально рассчитано, чтобы выиграть время для следующего вопроса.

– Не согласитесь ли, мистер Тремейн, рассказать, что произошло после того, как был обнаружен труп? Я имею в виду ваши личные впечатления.

– Среди ночи я услышал крики. Сначала подумал, будто это сон, но когда понял, что действительно кто-то кричит, сразу встал с постели и направился в коридор, чтобы выяснить, что происходит.

– Встретили кого-нибудь из других обитателей дома?

– Когда я проходил мимо комнаты мистера Бичли, он тоже вышел. К этому времени уже стало ясно, что крики доносятся с первого этажа, и мы вместе спустились по лестнице. В той комнате, где мистер Грейм поставил елку, горел свет. Я вошел и увидел на полу тело.

– В комнате уже кто-то был?

– Да. Там находились мистер Деламер и мисс Грейм. Сразу стало ясно, что кричала мисс Грейм. Она очень расстроилась, и мистер Деламер пытался успокоить ее.

Следуя наводящим вопросам Кэннока, Мордекай Тремейн поведал свою историю, не упустив ничего, кроме собственных кратких наблюдений и умозаключений, а когда закончил, суперинтендант одобительно кивнул.

– Спасибо. Вы очень помогли мне. – Он помолчал, устремив взор в пространство, и Мордекай Тремейн ощутил легкий озноб предвкушения. Кэннок небрежно продолжил: – Джонатан Бойс – мой старинный добрый друг. Когда-то, в далекой молодости, мы вместе патрулировали участок.

– Неужели? – осторожно отозвался Мордекай Тремейн, стараясь не выдать возбуждения. – А сейчас встречаетесь?

– Давно не виделись. Работа не позволяет. Но связи, тем не менее, не теряем. Он держит меня в курсе событий.

Последняя фраза, несомненно, несла в себе особый смысл, но лицо суперинтенданта хранило официальное выражение. Он откинулся на спинку кресла и, словно изгнав из сознания все личные соображения, произнес:

– Видите ли, мистер Тремейн, в подобных случаях наши расследования не могут дать исчерпывающих результатов. Сам факт присутствия полиции лишает людей желания говорить. Почти все свидетели начинают вести себя неестественно, изменяют манеру речи и даже выражение лица. Из-за этого трудно понять, что они представляют собой на самом деле. Разумеется, такая возможность появляется крайне редко, но в идеале желательно иметь неофициального наблюдателя. Человека, с которым все остальные свободно общаются. Пользующийся относительным доверием агент сможет представить значительно более точную картину событий, чем та, какую мы получим собственными средствами.

Мордекай Тремейн деликатно выразил сочувствие:

– Понимаю ваши затруднения, суперинтенданта. – Его мягкий взгляд воплощал невинность. – Конечно, неудобно обращаться за помощью к человеку, не состоящему на службе в полиции. Подобное действие повлечет за собой множество неловких вопросов.

– Совершенно верно, – подтвердил Кэннок и многозначительно добавил: – Но только в том случае, если факт сотрудничества приобретет известность.

К этому моменту Мордекай Тремейн уже выработал твердую позицию и ощутил необходимую уверенность, а потому деловито осведомился:

– Полагаю, суперинтенданта, в настоящее время у вас больше нет ко мне вопросов?

– Нет, – ответил Кэннок. – Пока это все.

Проскользнуло ли в его голосе разочарование? Мордекаю Тремейну хотелось бы верить, что так оно и есть. Он встал, чтобы уйти, но в последний момент, словно вспомнив о чем-то, заметил:

– Пожалуй, я хотел бы упомянуть еще об одном обстоятельстве.

Кэннок заметно оживился:

– Да?

Справедливо сказано, что человек находит то, что хочет найти. Мордекай Тремейн искал в собеседнике заинтересованность, поэтому следует признать: ему не составило труда убедить себя, что заинтересованность присутствовала в полной мере, а в односложной реакции заключалась надежда на положительный ответ.

– В отношении мисс Грейм, – пояснил он.

– Да? – нетерпеливо повторил Кэннок.

– Она сказала, что не спала из-за головной боли. Услышала голоса и спустилась посмотреть, что происходит, поэтому и оказалась первой, кто обнаружил тело мистера Рейнера. Вам досталась та же история?

– Почему вы спрашиваете?

– Я глубоко сомневаюсь в правдивости ее объяснения. Познакомившись с мисс Грейм, трудно представить, что эта особа способна среди ночи выйти из комнаты в поисках грабителей. Но даже если она действительно услышала шум и отважилась без помощи мистера Грейма или кого-либо из слуг проверить, что происходит, то логично предположить, что всего лишь накинула бы халат.

Тремейн многозначительно посмотрел на Кэннока, и суперинтенданта ободряюще произнес:

– И?..

– Дело в том, что дама была полностью одета. Сидела в твидовом костюме и даже с толстым шарфом на шее. Чтобы выйти из дома, не хватало пальто и резиновых сапог. Конечно, можно надеть все это лишь для того, чтобы спуститься на первый этаж. Но, честно говоря, верится с трудом.

Кэннок снова заглянул в свои заметки:

– Насколько могу понять, мисс Грейм выглядела взволнованной. Считаете ли вы, что в данных обстоятельствах ее волнение оправданно? Или оно показалось вам чрезмерным?

– Могу выразить лишь собственное мнение, – ответил Мордекай Тремейн.

– Конечно.

– По-моему, мисс Грейм выглядела не просто шокированной и встревоженной: подобная реакция была бы естественной, – но была к тому же сильно напугана.

– Что вы имеете в виду? – спросил суперинтендант.

– Если бы я точно знал, что имею в виду, то принес бы вам, суперинтендант, значительно больше пользы. Мисс Грейм обнаружила тело. В доме было темно. Она освещала себе путь фонариком. Фактически споткнулась о труп Джереми Рейнера. Наверное, увидев его неподвижно лежавшим возле елки, пришла в ужас. Представьте эту жуткую сцену. Тишина. Неподвижность. Сплошная пелена снега за окном. Темнота в доме. Распростертый на полу Санта-Клаус в красной шубе, с длинной белой бородой. Украшенная елка, отбрасывающая уродливые тени в неровном свете дрожавшего в руке фонарика.

Подобная картина лишила бы самообладания даже уверенного в себе человека, а мисс Грейм не может похвастаться крепкими нервами. Она впала в истерику. Закричала. Разбудила и подняла на ноги весь дом. Когда я появился, то нашел ее в кресле в состоянии полного изнеможения. Мистер Деламер безуспешно пытался успокоить ее.

Что ж, пока все понятно. Такой реакции и следовало ожидать от мисс Грейм. Однако мне показалось, будто присутствовало и что-то иное. Она выглядела так, словно старалась, но не могла скрыть страх. И вот это понять труднее. Несмотря на ужас и истерику, после того как повсюду вспыхнул свет и подоспела помощь, причин для страха уже не существовало. Логично предположить, что мисс Грейм испугалась не того, что уже случилось, а того, что, по ее мнению, должно было произойти.

Суперинтендант Кэннок провел указательным пальцем по подбородку и спросил:

– У вас нет никаких... версий?

– У меня нет никаких фактов, – ответил Мордекай Тремейн. – Видите ли, суперинтендант, я вам завидую. За вашей спиной стоит мощная организация. Вам доступен практически любой источник информации. Если поставите целью раскрыть сокровенный секрет человека, то в ваших силах осуществить задуманное, в то время как обычный гражданин, как бы ни стремился, не имеет возможности провести исчерпывающее расследование, потому что не вправе воспользоваться необходимыми официальными источниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.